

Сергей Михайлович Соловьев

История России с древнейших времен. Том 10

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 10**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 10 /
С. М. Соловьев — «Public Domain», — (История России с
древнейших времен)

Десятый том сочинений С. М. Соловьева «История России с
древнейших времен» включает описание начала правления Алексея
Михайловича – с 1645 по 1657 г.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 10. Царствование Алексея Михайловича. (1645–1676)

ГЛАВА ПЕРВАЯ СОСТОЯНИЕ ЗАПАДНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Значение религиозной борьбы в Восточной Европе. – Мысль об унии. – Иезуиты: Скарга и Поссевин. – Западнорусские архиереи, аристократия, братства. – Поведение архиереев во Владимире, Луцке, Львове. – Братство Львовское. – Приезд константинопольского патриарха Иеремии в Западную Россию. – Киевский митрополит Онисифор; его свержение и поставление Михаила Рагозы. – Экзарх Терлецкий. – Смуты вследствие распоряжений Иеремии. – Брестский собор 1590 года. – Разрыв Терлецкого с князем Острожским; печальное его положение. – Терлецкий начинает дело об унии. – Переписка Львовского братства с константинопольским патриархом. – Ипатий Потей, епископ владимирский; письмо к нему князя Острожского об унии. – Терлецкий и Потей действуют заодно в пользу унии. – Брестский собор 1594 года. – Поведение Рагозы относительно унии; переписка его с Скуминным. – Переписка князя Острожского с Потеем. – Окружное послание князя Острожского против епископов. – Львовский епископ Балабан отделяется от Терлецкого и Потей, которые отправляются в Рим и от имени всего духовенства западнорусского признают папу главою церкви. – Король старается поддержать дело Терлецкого и Потей на Руси. – Брестский собор 1596 года. – Разделение западнорусской церкви на православную и униатскую и борьба между ними. – Послание Иоанна Вишенского. – Стефан Зизаний и сочинения, против него направленные. – Poleмика по поводу Брестского собора. – Апокризис и его основные положения; Перестрога. – Король в окружной грамоте излагает свой взгляд на Брестский собор. – Движение козаков: Косинский и Наливайко. – Дело патриаршего экзарха Никифора. – Переписка князя Острожского с папою. – Православные требуют к суду епископов-униатов. – Попытка православных соединиться с протестантами, чтоб вместе защищаться от католиков. – Потей назначен митрополитом после Рагозы и старается исторически доказать законность унии. – Мелетий Смотрицкий и его сочинения. – Речь депутата Древинского на сейме. – Поставление православных архиереев и Советование о благочестии. – Усиление борьбы вследствие поставления православных архиереев. – Иосафат Кунцевич и письмо к нему Льва Сапегу. – Убиение Кунцевича. – Послание папы против православных. – Наказание жителям Витебска за смерть Кунцевича. – Козаки. – Гетман Сагайдачный. – Сочинение Пальчевского о козаках. – Митрополит Иов Борецкий поднимает козаков на защиту православия. – Обращение Иова к Москве. – Торжество поляков над козаками и комиссия на Медвежьих Лозах. – Похождения искателя турецкого престола Александра Ахии. – Восстание козаков под начальством Тараса. – Кисель и его отношения к козакам. – Восстание Павлика и Скидана. – Восстание Острианина и Гуни. – Киевская школа. – Луцкое братство и школа. – Петр Могила. – Отступление Смотрицкого от православия. – Смерть Сигизмунда III. – Требования козаков. – Королевич Владислав старается уладить дело между православными и униатами. – Продолжение полемики между ними. – Петр

Могила митрополит и его поведение. – Продолжение гонения на православных. – Переселение в Московское государство.

В самом начале нашей истории мы заметили, что Россия не имеет резких природных границ ни на западе, ни на востоке, и таким образом природа дала русским людям мало помощи при утверждении их народной самостоятельности. Но зато скоро история дала им для этого могущественное средство: Русь приняла христианство, и христианство по восточному исповеданию. Христианство провело резкую черту между русским человеком и соседом его на Востоке, азиатцем, бусурманом, поганым. Христианство запечатлело русского человека окончательно и твердо европейским характером; но, с другой стороны, между русским и соседями их на западе, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также резкая нравственная граница, вследствие различия восточного исповедания, принятого русскими, от римского исповедания, к которому принадлежали западные европейские народы. Религиозное различие, которое так могущественно действует в юном народе, составляя обыкновенно в его понятиях основу деления на наших и ненаших, – это религиозное различие взяло под свою опеку младенчеству, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востоке борьба с иноверными азиатскими варварами велась постоянно под религиозным знаменем, с религиозным одушевлением; а когда в начале XVII века растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религиозное одушевление, сознание религиозного различия подняло русских людей против польских и литовских людей, заставило их выбрать царя из своих и тем утвердить самостоятельность государства.

Обозревши Смутное время и восстановление спокойствия и самостоятельности Московского государства, Восточной России в царствование Михаила, мы должны обратить теперь наше внимание на Россию Западную, где шла также религиозная борьба, в решении которой должен был принять участие преемник Михайлов. Мы видели, что Западная Россия, вследствие известных недостатков своего государственного развития, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть к более сильному государству, Литовскому, а потом, при посредстве Литвы, соединилась и с Польшею. Мы видели также, что на первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягайле и некоторых его преемниках польские католики давали себе волю увлекаться религиозною ревностью и теснить восточное русское исповедание. Мы видели, как уже давно подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единоверной Восточной России. Но до второй половины XVI века попытки эти распространить католицизм между русскими людьми мерами насилия или, на крайней мере, заставить их соединиться с католиками в учении веры, оставаясь при своих прежних богослужебных обрядах и языке богослужебном – попытки эти не были постоянны и сильны, и с течением времени ослабевали все более и более, во-первых, потому, что Ягеллоны хлопотали более всего о тесном неразрывном соединении Литвы и Руси с Польшею, посредством уравнивания гражданских прав для народонаселения всех этих стран; но Ягеллоны хорошо понимали, что если бы при этом они воздвигли гонения на русскую веру, стали принуждать русских к унии с католиками, то цель их не была бы достигнута: таким образом, с усилением стремления к унии гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабевать попытки к унии церковной, которая могла быть введена между русскими только путем насилия. Во-вторых, католическая ревность очень ослабела во времена перед реформацией, а Ягеллоны всего менее были способны возбуждать эту ревность; следовательно, и поэтому уже попытки к унии должны были прекратиться, и действительно, мысль о ней совершенно исчезла в половине XVI века.

Что же переменяло этот ход дел, так выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гонение на веру своих русских подданных? А это, разумеется, должно было повести к тому же, что мы видели и прежде в подобных обстоятельствах: к отторжению русских областей от Польши и к присоединению их к Восточной России.

Наша древняя история имеет более связи с общим ходом европейских событий, чем это кажется с первого взгляда. Великий религиозный вопрос, религиозная борьба, поднятая в Западной Европе реформою Лютера, имела сильное влияние и на судьбы Восточной Европы – судьбы нашего отечества. Великие события XVII века, как на западе, так и на востоке Европы, совершаются под влиянием религиозных вопросов, религиозной борьбы. На западе с католицизмом борется протестантизм, и вследствие этой борьбы происходит окончательное освобождение и определение народностей, стянутых, закованных до того времени римско-католическими стремлениями к материальному единству; на восток с католицизмом борется восточное исповедание, охраняющее самостоятельность и народность русского и других восточных славянских племен, и между этими борьбами на востоке и на западе тесная связь. Учение Лютера и его разветвления, как мы видели, быстро распространились в польских владениях; как везде, так и здесь, католицизм, обнаруживая сильное противодействие врагу, выставил свое знаменитое ополчение – иезуитов. Иезуиты благодаря своим ловким приемам осилили протестантизм, большой и слабый разделением; но, осилив протестантизм, иезуиты немедленно обратили внимание на более опасного врага – на старинное, пустившее в народе глубокие корни, исповедание восточное, или русское: против него направлены были теперь усилия иезуитов; против него возбужден ими фанатизм католического народонаселения, против него, но их внушениям, действует правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса, думающее или, по крайней мере, желающее других заставить думать, что уния церковная скрепит унию государственную: надежда основательная только в том случае, если бы эта уния совершилась спокойно, без насилия. Против русской веры направлены иезуитами беспокойные силы школьной молодежи: против нее говорят они проповеди и пишут ученые рассуждения: против нее действуют они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

В 1577 году знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу: *О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении*. Две первые части посвящены догматическим и историческим исследованиям о разделении церквей; в третьей части, особенно для нас любопытной, автор говорит, что есть три причины, вследствие которых в русской церкви никогда порядка не будет: 1) женитьба священников, которые пекутся только о мирском, не заботятся о поучении паствы: от этого на Руси вся наука упала и паны омужичились (*zchlopiali*); 2) язык славянский: греки обманули русских тем, что не дали им своего языка, но оставили язык славянский, чтобы русский народ никогда до настоящего разумения и науки не дошел, ибо только посредством латинского и греческого языков можно быть доскональным в науке и вере. Не было еще на свете и не будет ни одной академии или коллегии, где бы богословие, философия и другие науки на ином языке преподаваться и разумеаться могли. С помощью славянского языка никогда никто ученым быть не может, этого языка уже теперь в сущности никто настоящим образом не понимает; нет на свете нации, которая бы им говорила так, как в книгах пишется; своих правил и грамматик он не имеет и иметь не может. У вас, русских, и не слыхать о таких людях, которые бы знали греческий язык, старый и новый, а у нас по всему свету одна вера и один язык: христианин из Индии с поляком может говорить о боге; 3) унижение духовного сословия, вмешательство светских людей в дела церковные. Скарга прямо говорит об унии, указывает на духовные и мирские выгоды от нее; для унии, по его словам, нужны только три вещи: 1) чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, но от паны; 2) чтоб каждый русский во всех артикулах веры был

согласен с римскою церковию; 3) чтоб признавал верховную власть столицы римской; что же касается до обрядов церковных, то они остаются по-прежнему. Ту же книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III. Здесь автор говорит, что книжки его многим принесли пользу, многим открыли глаза, и требуется новое издание их; книжек этих уже нет в продаже: скупила их богатая Русь и сожгла. «Дай боже, – говорит Скарга, – соединить всех еретиков, которых уже не очень много остается, и каждый бы день их убывало, если бы светская власть могла свободно пользоваться своим могуществом и нравами. Труднее обратить, русских, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляет более того средства, которым прежние короли содействовали обращению русских в католицизм, именно, не допускали их в сенат, прежде чем обратятся. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин, не успевши обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в Западной России, просил о заведении училищ для русских и в Риме и в Вильно: по его мнению, только обративши в латинство Западную Россию, можно было привести к тому же Восточную, или Московскую.

Иезуиты указали на унию, как на переходное состояние, необходимое для упорных в своей старой вере русских: прямо указаны были и средства к унии. средства насильственные: лишение выгод за упорство в отцовской вере. Что иезуиты смотрели на унию только как на переходное состояние, видно из того же сочинения Скарги, который выставляет на вид пользу от единства богослужебного и ученого языка, тогда как при унии у русских оставался богослужебный язык славянский, а против него так вооружается Скарга. В то время, когда европейские народы, возросши, выпутывались из средневековых пеленок католического, латинского единства, чтобы с помощью родных языков развить свои народности, в то время иезуиты делали дерзкий вызов истории, утверждая, что не будет на свете такой академии или коллегии, где бы науки преподавались на иных языках, кроме латинского и греческого. Против такого оттягивающего европейское человечество назад начала, осуждающего его на вечную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россия – борьбу за веру и народность. Но где же были у нее средства для успешного окончания этой борьбы?

Мы видели уже, что во второй половине XVI века западнорусская церковь находилась далеко не в завидном положении. Правительство, принадлежавшее к другому исповеданию, по меньшей мере равнодушное, не могло быть внимательно к ее интересам, любило кормить ее хлебом своих, а не ее служителей, отдавать не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям, из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности: отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Но если государство становилось во враждебные отношения к западнорусской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этим самым вызывало к деятельности начало общественное. Что Скарга считал бедствием для русской церкви, именно вмешательство светских людей в дела церковные, то было необходимо и спасительно для нее: правительство не заботилось о церкви, архиерейство ослабевало – общество должно было принять к сердцу высший интерес свой и обнаружить сильное влияние на дела церковные. Но какие же средства имело западнорусское общество к обнаружению этого влияния, какие силы были в нем, какие соединения сил, союзы? Западнорусское общество в описываемое время представляет нам сильную аристократию, богатые могущественные роды; из них некоторые вели свое происхождение от Рюрика и Гедимины; от них, особенно в начале, русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видели деятельность князя Константина Острожского, видели также, какую помощь русской церкви в борьбе ее с католицизмом оказал московский выходец, князь Курбский с товарищами. Но потом аристократия западнорусская начала ослабевать в стремлении своем поддерживать русскую веру и

народность; средоточие ее деятельности было не на Руси, а в Короне Польской, при дворе, в сенате; аристократия русская составляла часть целой аристократии польской и стремилась приравняться к целому; интересы русские были для нее интересами провинциальными, и потому она скоро охладевает к ним, как ниже ее стоящим; старики еще крепко держались родной старины, но молодые, выхваченные из родной старинной обстановки воспитанием, браками, службою, легко отвыкали от своего. Но если знатные паны, оказавшие вначале так много помощи русской вере и народности, ослабели впоследствии, то не слабело среднее сословие, городское народонаселение, благодаря крепким частным союзам, среди него образовавшимся, благодаря знаменитым братствам. Мы видели, что братства или братчины, общие всем областям русским, как восточным, так и западным, приобрели особенное значение в общинах более самостоятельных и развитых, следовательно, имели большее значение в Новгороде и Пскове, чем в городах низовых, имели большее значение в городах Западной, Литовской России, где старые общинные формы получили точнейшее определение и скрепление благодаря магдебургскому праву, где цеховое устройство особенно содействовало развитию братчин или братств.

Кроме этой крепкой основы для общей, дружной деятельности – развития общинного быта и братств, городское сословие, мещанство и потому могло сильнее бороться за веру и народность, что сфера его была теснее, чем у аристократии; сильнее были у мещан местные провинциальные привязанности, ибо не забудем, что русские привязанности были провинциальные в Речи Посполитой Польской; понятно, следовательно, почему мещанские братства, коренившиеся на цеховом устройстве, явились средоточием, к которому стягивалась и шляхта во время борьбы за веру; за братство, за эти крепкие союзы, выработанные городским бытом Западной России, всего сильнее запнулись иезуиты с своею униєю.

Итак, сначала посредством аристократии, потом особенно посредством братств, западнорусское общество боролось за свою веру и народность, против могущественных врагов, поддерживаемых государством: посредством аристократии и братств русское общество имело влияние на дела церковные. Мы видели, что Скарга, с своей точки зрения, видел в этом влиянии мирских людей бедствие для церкви. С такой же точки зрения начали смотреть на дело и некоторые епископы русские, которым более других было тяжело это влияние; но понятно, что, усвоивши себе раз эту точку зрения, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т. е. самих себя, от этого вмешательства, успокоить церковь, дать ей внешнее благосостояние, легко признавали необходимость и законность унии.

Чтоб иметь понятие о состоянии западнорусской иерархии в описываемое время, взглянем на состояние значительнейших здесь епархий. Некоторые западнорусские епископии богатством своих земельных владений превосходили восточные: епископии владимирской (на Волыни) принадлежали: укрепленный замок в городе Владимире и несколько дворов, местечко Квасов, шестнадцать селений в поветах Луцком и Владимирском, волость Купетовская, заключающая в себе местечко Озераны, одиннадцать селений и рыбных ловель, остров Волослав на реке Луге, на котором находился монастырь св. Онуфрия. Епископии луцкой и острожской принадлежали четыре местечка и тридцать четыре селения в поветах Луцком и Владимирском, из них местечки Хорлуп и Жабче были защищены укрепленными замками, с пушками, гаковницами и другим огнестрельным оружием. Легко понять, что такие доходные места, дававшие важное значение и обильное кормление, были предметом искания для многих мирских знатных лиц, которые, добившись их с помощью светской власти, не покидали своих мирских привычек, да и трудно им было покинуть их, если бы даже хотели. Мы видели состояние Польши в описываемое время, видели своеволие сильных, презрение законов, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даром же епископские замки были укреплены и вооружены артиллерией; частые столк-

новения с жадными, сильными и своевольными соседями, иноверцами и потому не поставлявшими за грех поживиться на счет имений схизматического епископа, заставляли последнего беспрестанно являться в суды, обвинять и защищаться, и потому, вместо молитвы и приготовления поучений для паствы, владыка должен был сидеть над выписками из законов. В 1565 году, по смерти епископа Иосифа, явилось двое соперников, желавших завладеть епископией владимирской и брестской: шляхтич Иван Борзобогатый-Красенский и епископ холмский Феодосий Лазовский. Первый, получив королевскую грамоту на епархию, завладел епископским замком, где посадил сына своего Василия. Но король Сигизмунд-Август в то же время дал жалованную грамоту на владимирское епископство Лазовскому. Последний явился во Владимир с вооруженной силой, потребовал у Василия Красенского сдачи замка, получил отказ, начал добывать замок приступами и, наконец, овладел им. Король, по жалобе Ивана Красенского, послал дворянина своего звать Феодосия на суд; дворянин явился к епископу в соборную церковь Владимирскую и объявил ему приказ королевский. Феодосий отвечал, что не поедет на суд, бросился с посохом на слуг Ивана Красенского, велел своим людям бить их и топтать ногами в соборной церкви, наконец, выгнал их из замка, сказавши: «Если бы здесь был сам Борзобогатый, то я велел бы изрубить его в куски и бросить псам». Этот поступок Феодосия показывает нам, с каким человеком имеем дело; утвердившись в своей епархии, он вел себя как и другие сильные паны; и на него, как на других, подавались жалобы, что он с толпою вооруженных слуг наезжал на имения соседних владельцев, производил разбои и грабежи на большой дороге; в глубокой старости он совершенно вверился зятю своему Дубницкому, войту владимирскому, который расточал церковную казну, разорял церковные имения, крал жалованные грамоты. Но мы должны рассматривать поведение Феодосия Лазовского в связи с условиями времени, не должны прилагать к нему требований нашего времени и общества. Феодосий принадлежал к числу людей сильных характером, общество же не могло выставить никаких препятствий тому, чтобы эта сила не выражалась незаконным образом; общество терпело Феодосия, и Феодосий, когда страсти его утихли, вспомнил, что «при жизни было много бито, граблено, а под конец надобно душу спасти», и сделал следующее распоряжение: выделил из церковных имений местечко Озераны и одиннадцать селений, назначил доходы с этих имений на украшение соборной церкви Владимирской, на учреждение при ней богадельни и школы для детей; часть доходов назначена была на содержание двух проповедников; в школе положено иметь двух бакалавров: один должен был учить греческому, а другой славянскому языку. Феодосий выпросил у Стефана Батория позволение передать управление владимирской епархией архимандриту Киево-Печерского монастыря Мелетию Хребтовичу-Богуринскому, но при этом Феодосий пользовался доходами епархии до самой смерти своей, случившейся в 1588 году, и тогда епархия владимирская перешла в полную власть Хребтовича.

Между тем Иван Борзобогатый-Красенский, лишенный Феодосием епархии владимирской, получил от короля епископию луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравинского, который с 1561 до 1567 года управлял епархией луцкой, не посвящаясь в духовный сан. Красенский хотел было подражать своему предместнику, но киевский митрополит Иона сильными мерами заставил его посвятиться в 1571 году под именем Ионы. Новый епископ с своими детьми и родственниками распоряжался церковными имениями как своею собственностью, отдал местечко Жабче в приданое за дочерью; сыновья епископские грабили церкви, разгоняли монахов; наконец Иона поссорился с Баторием, не любившим своеволия, и умер баннитом. По смерти его в 1585 году переведен был на луцкую епископию Кирилл Семенович Терлецкий, епископ пинский и туровский, человек также дворянского происхождения, умный, образованный, ловкий и деятельный, способный управлять епархией по тогдашним условиям, но далеко не способный быть достойным епископом. Он нашел луцкую епископию в самом жалком положении вследствие грабежей Красенского и его род-

ственников, должен был вооруженною рукой отнять у последних Жабче, лично хлопотал в судах о неприкосновенности церковных имений и прав; войско епископское всегда было наготове для отражения врагов.

Третьею западнорусскою епархией, которая обращает на себя особенное внимание в конце XVI века, была львовская в Галицкой, или Червонной Руси. Епископом здесь в это время был Геден Балабан, сын львовского же епископа Арсения. Получивши кафедру как бы по наследству, Геден считал себя еще в большем праве, чем другие его товарищи, смотреть на нее как на собственность неотъемлемую, но этот епископ-собственник встретил себе сильное сопротивление в братстве Львовском. Во время посещения Львова антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 году львовские мещане, ктитория храма Успения Богородицы, упростили его благословить их на устройство братства, для которого написаны были следующие правила: 1) В определенный день сходиться в избранный дом, с любовью и миром, отдавая друг другу предпочтение, промышляя доброе пред богом и людьми. 2) По повестке, которая делается обсылкою братского знамени, братья должны сходиться раз в четыре недели, или как случится надобность, и обязан каждый брат раз в четыре недели дать полгроша в братскую кружку. 3) Всякий желающий вступить в братство, кто бы он ни был: мещанин или шляхтич, или предмещанин, или какого бы ни был чина, как тутошний, так и сторонний, должен дать вступного шесть грошей. 4) Брат, живущий далеко от братства, должен давать раз в год по шести грошей. 5) Каждый год братья сообща выбирают из среды себя четырех старшин. 6) Кружка братская должна быть у старшего брата, а ключ от нее у младшего. 7) Ежегодно, при сложении своих должностей, старшины отдают отчет пред всеми. 8) Если избираемый на старшинство будет противиться этому без уважительной причины, то должен дать три безмена воску. 9) Наказание всем одно – сидеть на колокольне. 10) Если брат брата обидит словом в братстве, то должен быть наказан сиденьем на колокольне, должен дать камень воску и, не выходя из братства, просить прощения у оскорбленного брата и всего братства. 11) За слово непотребное, корчемное брат должен платить фунт воску. 12) В заседаниях, исправляя все дела, братья должны читать священные книги и скромно друг с другом разговаривать. 13) Брат, узнавши о проступке другого брата, не должен его таить, но объявить в братстве, чтоб виновный был подвергнут наказанию. Утаивший наказывается по приговору братскому. 14) Старший за проступок подвергается двойному и тройному наказанию против младшего. 15) Брат, наказанный сиденьем на колокольне или денежною пенею, тотчас после наказания должен просить прощения у того, пред кем провинился. 16) Кто не отдаст братской пени, должен поставить двоих братьев поручиками до следующего заседания. 17) В обсуждениях участвуют все, как старшие, так и младшие; когда все младшие выскажут свои мнения, тогда начнут говорить старшие. 18) Если у брата есть какое-нибудь дело и не умеет он его вести сам, то вольно ему взять двоих братьев на совет и на помощь. 19) Дела братские не должны быть выносимы за порог дома братского; виновный в разглашении, по засвидетельствовании двоих, должен быть наказан сиденьем на колокольне и безменом воску. 20) Кто презрит церковным братским судом, тот судится как прослушник церкви, и если в четыре недели не покается, то как поганец и явный грешник отлучается. Священник должен его в церкви пред всеми обличить и от церкви отлучить. 21) Сообщающийся с отлученными вместе с ними осуждается. 22) Если не имеющий состояния брат занемовет, то братья помогают ему братскими деньгами и ходят за ним в болезни. 23) Брат, которому помогают братскими деньгами в напастях, не платит роста. Давать займы должно не тем, которые занимают для какого-нибудь выгодного предприятия, из желания обогатиться, но действительно находящимся в большой нужде. 24) Тело умершего брата все братья провожают на погребение в приходскую церковь, и свеча братская должна быть в церкви. 25) Если кто из братий не явится на заседание или на погребение по важным причинам, то должен дать знать об этом старшему брату; если же окажется, что препятствий никаких не было,

то должен заплатить фунт воску. 26) Каждый брат должен вписать в поминанье имя отца своего и матери и всех сродников умерших, а священник Успенской братской церкви должен читать поминанье братское за заутреню и вечерню в дни поминовенные и в великий пост, по уставу церковному. 27) Ежегодно должны быть две литургии за все братство: за здравная и за упокойная, причем раздается посильная милостыня бедным.

Но, как обыкновенно бывает в обществе, где нет для всех одинаковой безопасности, где господствует право сильного, в отдельных лицах и в союзах лиц является стремление захватить для себя как можно больше силы, в которой видят единственное обеспечение против насилия других сильных. Вот почему Львовское братство выхлопотало от Иоакима важное право обличать противных закону Христову, истреблять всякое бесчиние в церкви, право всеобщего надзора и цензуры, из-под которой не был изъят и епископ. 28) Если братство отлучит брата от церкви чрез своего священника, то протопопы и епископ не могут благословить его до тех пор, пока не покорится братству. 29) Если братья в городе Львове при какой-нибудь церкви увидят, или в другом братстве услышат о незаконноживущих, мирских или духовных, то должны удерживать их словом или грамотою, если же не послушаются, то должны донести старшему. 30) Если и епископ будет вести себя незаконно, то и ему должны все сопротивляться как врагу истины. 31) Если кто-нибудь из братий будет обвинен пред епископом, то не должен один защищаться, а ждать, пока соберется с ним все братство; при епископе братья сообща должны разобрать дело и судиться по правилам св. отец. 32) Братство Львовское, как старшее, должно обличать всякое другое братство, поступающее не по этим правилам. Никто не может ему сопротивляться, опираясь на давность других братств, несовершенно некоторыми епископами установленных. «Повелеваем, – говорит патриарх, – чтоб этому братству Львовскому все братства повсюду повиновались». 33) Всякое братство в своем городе и в окольных местах и селах обязано знать поведение попов и мирских людей, и обо всяком беззаконии доносить епископу. 34) Кто разорит это право церковное, епископ или князь, или простой человек, на таком будет клятва всех четырех патриархов и святых отец седми вселенских соборов. В то же время Иоаким разослал окружное послание с извещением, что в городе Львове христианская церковь хочет строением поновляться, т. е. наукою писания святого: хотят мещане львовские школу основать для поучения детям христианским всякого звания; будут эти дети учиться писанию святому греческому и славянскому, чтоб не был род их христианский бессловесен ради ненаучения; купили мещане типографию славянскую и греческую, для школы этой потребную, за полторы тысячи золотых, хотят строить церковь новую и дом для школы, типографии и госпиталей. Патриарх просит у всех православных христиан вспоможения на такие богоугодные дела.

Между братством, получившим такие права, и между епископом Гедеоном, ревнивым к своей власти, тотчас же начались столкновения; дело дошло до константинопольского патриарха Иеремии, тот взял сторону братства и в ноябре 1587 года писал Гедеоноу: «Мы судили, истинно испытали и нашли в тебе убийцу и ненавистника добру; не смей ничего говорить против Львовского братства, на котором бог почивает и славится, и если услышим, что ты возбраняешь дела благия, то будешь отлучен, а потом и другому церковному наказанию подвергнешься». Это грозное послание понудило Гедеоноу стать на точку зрения Скарги, убедиться, как вредно вмешательство мирян в дела церковные, убедиться, что уния с господствующею церковью освободит владык от унижения мирской цензуры; он сблизился с католическим львовским епископом и в 1588 году изъявил ему желание принять унию.

В таком состоянии находилась западнорусская церковь, когда в 1589 году посетил ее константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные и нерадивые. К числу последних принадлежал главный пастырь, митрополит киевский, Онисифор Девочка, к которому в 1585 году православные галицкие дворяне

прислали с сейма следующую любопытную грамоту: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время вашего папства все мы страшно утеснены, плачем и скитаемся, как овцы, папства неимущие. Хотя вашу милость старшим своим имеем, однако ваша милость не заботитесь о том, чтоб словесных овец своих от губительных волков оборонять, нисколько не заботитесь о благочестии. С жалобою на великие несправедливости, нам сделанные, мы приехали на сейм в Варшаву, в надежде на ваше обещание явиться туда же, чтоб вместе бить челом королю, защищать права и вольности закона нашего греческого. Но ваша милость не хотите исполнять своих обязанностей, не хотите быть деятельным при таких великих бедах, больше которых не было и не будет. Во время вашего папства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия святыни, замыкание св. таин, запечатание церквей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей божиих попов как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквях: таких насилий не делается и под ногайскими царями, и все это делается в папстве вашей милости. Но этого мало: рубят кресты святыя, захватывают колокола в замок, отдают их в распоряжение жидам, а ваша милость листы свои открытые против церкви божией жидам на помощь даешь. Из церквей делаются костелы иезуитские, имения, церкви божией данные, теперь к костелам возвращены. В монастырях честных, вместо игуменов и братья, игумены с женами и детьми живут и церквами святыми владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из епитрахилей брамы. Но, что еще хуже, ваша милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братья своей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами и на столицах с женами своими живут без всякого стыда и детей рожают. И других, и других, и других бед великих и нестроения множество! Наставилось епископов много, на одну епархию по два: от того и порядок згиб. Мы по обязанности своей вашу милость остерегаем, молим и просим: бога ради, вспомни святых предшественников своих, архиепископов киевских, и возревнуй благочестию их, а на нас не прогневайся: жаль нам души и совести вашей, за все ответ господу богу должны вы отдать».

Онисифор, по приезде Иеремии, должен был оставить митрополию, и на место его патриарх поставил в митрополиты известного уже нам архимандрита минского Михаила Рагозу, по представлению христианства, т. е. всех православных Западной России. Любопытно, что при посвящении Михаила Иеремия произнес следующие многозначительные слова, обращаясь к окружавшей знати: «Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же недостоин, а вы его достойным выставяете, то я чист, вы узрите». Из этих слов ясно видно все значение мирских людей при избрании Рагозы, причем патриарх выделил совершенно свою волю; мирские люди представили ему незначительного, ему вовсе неизвестного архимандрита, и патриарх уступил их желанию, снявши с себя всю ответственность. Вглядываясь внимательнее в характер и поведение Рагозы, можно понять, почему выбор мирских людей пал на него: в новом митрополите мирские люди искали именно такого папства, который не был бы похож на тогдашних западнорусских епископов, не похожих вообще на епископов. Михаил был человек благочестивый, скромный, сравнительно безукоризненной нравственности, далекий от дел насилия, но, к сожалению, с этими достоинствами частного человека, монаха и епископа Михаил не соединял других достоинств, необходимых для западнорусской церкви в то бурное время: не соединял твердости и энергии, был слаб, боязлив, вследствие чего должен был играть такую жалкую, двоедушную роль во время дела об унии.

Как бы то ни было, Михаил был избранник мирских людей и потому должен был держать их сторону, сторону братств. Патриарх действовал в том же смысле. В Вильне 1589 года он издал окружную грамоту епископам о низвержении из сана священников двоеженцев и троеженцев, с выговором, что пинский епископ Леонтий утаил таких в своей епархии. В

грамоте этой патриарх говорит, что он слышал от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сам глазами своими видел, как позволялось священнодействовать двоеженцам и троеженцам. Тогда же Иеремия благословил учредить братство в Вильне у церкви св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталям, тюрьмам и нищим по улицам два раза в год – на Светлое воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось в школе даром учить детей братских и других убогих сирот языкам: русскому, греческому, латинскому и польскому; для науки школьной содержать людей ученых, печатать книги церковные и школьные на языках греческом, славянском, русском и польском. Иеремия же подтвердил прежние постановления и права Львовского братства, а также и новые: 1) Не быть другому общественному училищу во Львове, кроме училища братского, в нем одном учить православных детей священному писанию, славянскому и греческому языкам. 2) Братство имеет право печатать не только церковные книги: часословы, псалтири, апостолы, минеи, триоди, требники, синаксари, евангелия, метафрасты, торжественники, хроники или летописцы и прочие богословские книги, но и другие нужные для училища, именно грамматику, пиитику, риторику и философию. 3) Священника, избранного братством к церкви Успения, епископы львовские должны благословлять без всякой отговорки и противоречия; братство же и удаляет от должности священника, если он станет жить неприлично.

Но, согласившись на поставление Рагозы по представлению мирских людей, Иеремия, спустя немного времени, в знак ласки и благоволения своего, дал старшинство над всеми епископами, экзаршество – должность, старшую в духовных делах, – епископу луцкому, Кириллу Терлецкому, видя в нем мужа искусного, ловкого и ученого. Экзаршество, или наместничество патриаршее, состояло в том, что Терлецкий имел право исправлять всех епископов, блюсти за порядком между ними, негодных извергать. Что побудило Иеремию на установление такой важной должности подле митрополичьей, отнять у митрополита почти все значение и передать епископу луцкому? Успел ли Терлецкий разными средствами подбиться к патриарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мирских людей, выразившуюся при назначении Михаила, свою собственную обиду при этом? Действительно ли патриарх, признавая неспособность Михаила в такое опасное и бурное время, спешил облечь властью своего наместника – человека более ловкого и деятельного? А быть может, и сами мирские люди, знатные паны, видя, что обидели Терлецкого, обойдя его митрополией и не желая лишиться помощи такого деятельного и ученого человека, содействовали или, по крайней мере, нисколько не мешали назначению его экзархом? Источники не отвечают на эти вопросы, и потому, оставя все предположения в стороне, заметим одно, что назначение Терлецкого экзархом было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чем патриарх успел выехать из пределов Западной России. Терлецкий наговаривал патриарху на других епископов, Мелетий владимирский уличал Терлецкого в насильственном поступке с посланцем патриаршим; Иеремия послал сказать митрополиту, чтобы созвал собор для решения этих дел и заплатил ему, патриарху, пятнадцать тысяч аспр (250 талеров) за поставление, ибо если бы Рагоза должен был за этим поставлением ехать в Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополит, недовольный патриархом, который поставил его митрополитом, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвечал посланному: «Не обязан я ничего давать патриарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который велел созвать на него собор; Геден Балабан львовский был сильно недоволен тем, что патриарх подтвердил права ненавистного ему братства; тем же самым должны были быть недовольны все вообще епископы, которых ставили под цензуру мирских людей. Между привилегированным Братством Успенским во Львове и другими – непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: в 1590 году четверо граждан

львовских с другими потаковниками своими, принадлежа к братствам Никольскому, Федоровскому и Богоявленскому, соединились с епископом Гедеоном и стали вооружаться против Успенского братства и его школы, уговаривая многих не посещать ее. Митрополит Михаил, заступаясь за Успенское братство, отлучил их от церкви.

В таком положении находились дела, когда в июне 1590 года созван был собор в Бресте, на котором присутствовали митрополит Михаил, Мелетий Хребтович, епископ владимирский, Кирилл Терлецкий, епископ луцкий, Леонтий Пельчинский – пинский, Дионисий Збируйский – холмский, Гедеон Балабан – львовский; были приглашены также Адам Потей, каштелян брестский, и все крилошане соборные. Отцы рассуждали о великих притеснениях, которым подвергается православная церковь, о великом нестроении в духовенстве, о разврате, несогласиях, непослушании и бесчинствах между некоторыми христианами. Для предотвращения подобного нестроения и своевольств, для установления порядка, для рассуждения о школах, науках, госпиталях и других благочестивых делах отцы постановили собираться ежегодно в Бресте Литовском в июне 24 числа; кто не явится на собор, должен заплатить 50 коп грошей литовских на общие потребности духовные; кто поставит причиною отлучки болезнь, тот, приехавши на собор следующего года, должен присягнуть, что действительно был болен; если же кто и на другой год не приедет и присяги не даст, тот будет лишен епископии. Архиереи обязались привозить на собор всех архимандритов, игуменов, протопопов и других пресвитеров, в св. писании знающих; обязались не позволять, чтоб простые люди держали монастыри; обязались не вступаться в чужие епархии, не ставить недостойных пресвитеров под пенею ста коп грошей литовских; кто же не заплатит, тот подпадает проклятию. На соборе явилось семеро депутатов Львовского братства (из них двое греков) с жалобой на епископа Гедеона, который не исполняет постановлений патриарших относительно братств Львовского и Рогатинского, уже после уговора и примирения своего с ними. На эти жалобы Гедеон отвечал одно: «Братство не хочет воздавать мне надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но собор решил дело в пользу братства: так как Гедеон никогда не соглашался благословлять священников для братства, почему церковь братская бывала без службы к соблазну христианам, то братство передано в непосредственную зависимость киевского митрополита, который и благословляет священников братских, братством избранных.

После собора Кирилл Терлецкий занемог и поехал в Сендомир лечиться; потом пришла весть, что он при смерти. Тогда один из урядников замковых острожских, Боровицкий, по давнему обычаю, вошел в дом епископа и захватил его пожитки. Но Терлецкий выздоровел и, возвратясь из Сендомира, обратился с жалобой к князю Острожскому в надежде на большую любовь этого вельможи к себе. Но Боровицкий пользовался также сильным расположением князя, вследствие чего успешно защищался, и когда Терлецкий уехал из Острога, то Боровицкий стал обносить его перед князем и так успел очернить Кирилла, что князь вместо прежней любви стал оказывать презрение к нему. Легко понять теперь положение луцкого епископа, разладившего с самым могущественным вельможею своей епархии и столпом православия! С одной стороны, разлад с своими в лице самого сильного из своих, с другой – поднимается ожесточенное преследование от чужих. Секретарь королевский Мартын Броневский напал с толпою вооруженных людей на церковное владение Фалимичи, завладел церковным и епископским имением; староста луцкий, Александр Семашко, сделавшийся из православных католиком, наложил подать за вход в соборную луцкую церковь; в апреле 1591 года, в Страстную субботу и Светлое воскресенье, Семашко велел впустить в замок, где находилась церковь, только одного епископа с слугою, без духовенства, почему в соборной церкви не было в эти дни богослужения, а епископ два дня не пил и не ел, между тем как пьяный Семашко в притворах соборной церкви заводил танцы и игры и приказывал гайдукам своим стрелять в купол и крест церковный.

В июне, по приговору, епископы съехались на собор в Брест, определили жаловаться королю, что урядники и землевладельцы Великого княжества Литовского вступаются в дела духовные, судят священников, разводят браки. Но Терлецкий с некоторыми товарищами решился избавиться от всех бед, грозящих как от своих, так и от чужих, прямым средством, на которое давно уже было указано иезуитами – униєю. Король Сигизмунд получил следующую грамоту: «Мы, нижеподписавшиеся епископы, желаем признавать пастырем нашим и главою наместника св. Петра святейшего папу римского, от чего ожидаем великого умножения хвалы божией в церкви его святой; но, желая быть в повиновении у святейшего отца папы, мы желаем, чтоб оставлены были нам все церемонии, службы и порядки, какие издавна церковь наша св. восточная держит, и чтобы его королевская милость вольности нам грамотами обеспечил, и артикулы, которые нами будут поданы, утвердил; а мы обязуемся быть под властью и благословением отца папы, и лист этот с подписью наших собственных рук и приложением печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому. Подписали: Кирилл луцкий, Гедеон львовский, Леонтий пинский и Дионисий холмский».

Только в январе 1592 года король отвечал на жалобу митрополита запрещением светским лицам вмешиваться в дела духовные, и только 18 марта написан был привилей королевский согласным на унию епископам: «Мы, государь, им самим, епископам, пресвитерам и всему духовенству церкви восточной и религии греческой обещаемся сами за себя и за потомков наших, что если бы кто-нибудь из патриархов и митрополитов наложил на них клятву, то эта клятва им и всему духовенству их ни в чем не будет вредить; обещаем ни по каким обвинениям и клятвам не отнимать у них епархий и другим при жизни их не отдавать; обещаем приумножить к ним ласку нашу, придавая им и каждому, кто склонится к унии, свобод и вольностей в той же мере, в какой имеют их и римские духовные, что обещаем и другими привилеями нашими утвердить». В это время между православными еще ничего не было известно о замысле Терлецкого с товарищами; по крайней мере Львовское братство, продолжая борьбу с своим епископом, в грамоте к патриарху от 6 февраля 1592 года еще ничего не говорит об этом. В этой грамоте братство пишет: «Беспрестанными бедами томит нас Гедеон, епископ львовский, людей разделил и на братство наше вооружил, приказал всем под клятвою отвращаться от нас; монастырь св. Онуфрия, ставропигион наш ктиторский, под благословением митрополита находящийся, пограбил, игумена обесчестил. На соборе показали мы грамоту вашей святыни об этом монастыре и священнике нашего братского храма, которого архиепископ (т. е. митрополит Михаил) под благословение свое принял, а епископ проклиняет. Мы жаловались на епископа на соборе, но бесчинного ради собора не было о том суда, на будущий собор отложили. Архиепископ с епископами утвердили, чтобы вперед священники братств Львовского и Виленского были под благословением архиепископским и под защитою всего собора, но епископ, по древнему своему противлению, и теперь противится, и всюду между всяких чинов людьми клеветает, что мы не можем ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидакалов (учителей) Кирилла в Вильну, Лаврентия в Брест, другие по иным местам разошлись, а Стефан здесь живет; священники лучшие, ради гонения епископского, разошлись в иные страны, а двоеженцы водворились везде. Епископы холмский и пинский с женами живут и, видя это, двоеженцы смело литургисают. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, в различные ереси впадшие, хотевшие прежде возвратиться к своему правоверию, теперь не хотят; хулят церковное бесчиние, и все люди единогласно вопиют: „Если не устроится церковь, то вконец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в покое безмятежном“. Некоторые неправду сказали твоему святительству, будто у нас есть люди, не почитающие св. икон: нет таких ни в братстве нашем, ни в целом городе. Дело вот как было: когда архиепископ наш (Михаил) был здесь в Галиции, то в городе Рогатине нашел икону: вме-

сто Спасова образа написан бог отец с синами; то же и в Галиче. Архиепископ велел эту икону вынести из церкви и написать Спасово изображение. Но Гедеон, епископ львовский, по уходе архиепископа, велел в Галиче икону невидимого бога отца в церкви выше всех икон поставить, и подписал имя иконе: „Ветхий денни“, и, уча народ, обвинял архиепископа в иконоборстве. На Воскресение Христова какой-то хлеб, называемый пасха, по старому еретичеству приказывает освящать; пятницу празднуют, и на другой день Рождества Христова пироги приносят в унижение богородицы (так называемый полог богородицы, по нашему на зубок). Все это велит епископ по старому держать и не соблазняться прещениями твоего святительства. Сообщаем твоему святительству и радостные вести: в Вильне братство размножается. Федор Скумин (Тышкевич), воевода новгородский, и пан Богдан Сапега, воевода минский, со многими чиновными людьми вступили в братство церковное и утвердили единство свое с братством Львовским, дабы вместе промышлять об общей пользе. Кроме того, пан Адам Потей, каштелян брестский, сенатор королевский, заложил в Бресте чин братства Львовского».

Как же удивилось Львовское братство, когда вскоре после этого враг его Гедеон объявил грамоту патриаршую, в которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрия из-под власти митрополита. В сентябре братство писало патриарху: «Не знаем, как это случилось? От зависти ли бесовской, или от клеветы злохитрых людей, или потому, что ты забыл прежнюю свою грамоту?» Тут же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патриарху о замысле насчет унии: «Прежде всего да ведает твоя святыня, что у нас так называемые святители, а лучше сказать, сквернителю вопреки иноческому обету с женами невозбранно живут; некоторые многобрачные святительствуют, другие с блудницами детей прижили. Если такие святители, то простые священники и подавно. Когда митрополит на соборе обличил священников и требовал, чтобы они отказались от священства, то они отвечали: „Пусть прежде святители откажутся от своего святительства, послушают закона, тогда и мы их послушаем. Епископы похитили себе архимандритства и игуменства и ввели в монастыри родню свою и урядников мирских; имения все церковные пограбили, иночество испразднили, коней и псов в монастыри ввели. Многие же утвердили совет предаться римскому архиерейству с сохранением закона греческой веры, и римский папа послал одного иерея своего с приказанием по всем церквам своим квасным хлебом службу совершать в знак соединения церквей; иезуит виленский Петр Скарга напечатал книги о вере своей и о греческом заблуждении и королю вручил. Люди рассудили, что может Христова вера под римскою властью правомерно исповедаться, как и сначала было: потому что безначалие во многоначалии нашем обретается, законы отеческие попораны, и ложь православием лицемерствующих учителей покрывает церковь“».

Братство не могло еще, не умело назвать епископов, решившихся на унию: так осторожно и тайно действовали они; понятно, что в таком важном деле они должны были действовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности в каком-нибудь внешнем обстоятельстве. Львовское братство писало патриарху, что у многих укореняется мысль о необходимости подчиниться римскому престолу, как о единственном средстве избавиться от безначалия и беспорядков, господствовавших в русской церкви; но сделать решительный, открытый шаг к этому подчинению было крайне трудно и опасно. Терлецкий один не мог на это решиться; Терлецкому одному трудно было действовать, приобретать сообщников: как мы видели, он лишился дружбы князя Константина Острожского. Но скоро явился человек, который занял место Терлецкого в расположении князя Константина: в начале 1593 года, по смерти владимирского епископа Мелетия, епархию эту получил Ипатий, в миру Адам Потей, тот самый сенатор и каштелян брестский, о благочестивой ревности которого упоминало Львовское братство в письме к патриарху. Потей явился достойным своего нового сана, явился «великим подвижником, воздержником, постником, чутким охраните-

лем прав церковных и ни в какое дело светское не вступающимся». Но бывший каштелян был мало сведущ в догматических подробностях восточного исповедания, был равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии. Терлецкий взялся за это дело. «На ласку князя Острожского полагаться опасно, – говорил он Потее, – ко мне был ласков, а теперь презирает. Патриархи будут часто ездить в Москву за милостынею, а едучи назад, нас не минуют; Иеремия уже свергнул одного митрополита, братства установил, которые будут и уже суть гонители владык: чего и нет, и то взведут и оклеветают; удастся им свергнуть кого-нибудь из нас с епископии: сам посуди, какое бесчестье! Господарь король дает должности до смерти и не отбирает ни за что, кроме уголовного преступления, а патриарх по пустым доносам обесчестит и сан отнимет: сам посуди, какая неволя! А когда поддадимся под римского пану, то не только будем сидеть на епископиях наших до самой смерти, но и в лавице сенаторской засядем, вместе с римскими епископами, и легче отыщем имения, от церквей отобранные».

Не знаем, кто первый начал разговор об унии, Потей или князь Острожский; знаем, что 21 июня 1593 года князь писал владимирскому епископу следующее письмо: «Всякий человек должен стараться о том, чтобы быть размножителем и любителем хвалы божией. И я, по причине многочисленных мирских занятий моих, хотя не мог посвятить всего себя заботам об умножении хвалы божией, однако, по христианской обязанности, с давнего времени было у меня желание, и теперь не слабеющее, но более и более распаляющееся, желание найти способ к тому, чтобы церковь Христова, всех церквей начальнейшая, в первобытное состояние прийти могла. Но, как вижу, достойное создается достойными и честное совершается честными. Так и мне или несчастье воспрепятствовало, или собственное недостоинство мое не допустило положить начало доброму делу. Однако св. писание говорит: „Сила божия в немощи совершается“, и потом: „От человека невозможное богу возможно“. Опираясь на эти слова, незадолго перед тем, не славы ради житейской, бог весть, но сетуя о падении церкви Христовой; не терпя наругания еретиков и отступников, дерзнул я с легатом папы римского, Поссевином, советовать и гадать о некоторых нужных речах писания святого, не сам, но чрез своих старших и пресвитеров; но богу не угодно было, не знаю, на пользу нам или во вред. И так случилось тогда, как было угодно богу. И теперь, не имея возможности прекратить заботы о церкви божией, имея намерение для здоровья, своего телесного отправиться в те страны, недалеко от которых живет папа римский, предлагаю хлопотать там о соединении церквей, если бы было на то произволение божие, если бы вы, духовные, на будущем соборе вашем нашли способы к прекращению внутренней брани в церкви божией. По моему мнению, ваша милость епископ владимирский, согласившись с преосвященным отцом архиепископом и епископами, с позволением и грамотою его королевской милости, должны ехать к великому князю московскому и вместе с великим князем и духовенством земли тамошней посоветоваться, порассказать им, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение народ здешний русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит, просить их, как единоверцев, стараться о том, чтобы больше церковь Христова такой смуты, а народ русский такого гонения и озлобления не терпели. Усердно прошу вашу милость, как ласкового господина и приятеля, особенно же теплого тшателя в любви веры Христовой, стараться из всех сил на соборе, чтоб положить начало если не соединению, то, по крайней мере, улучшению жизни народной. Ибо известно всем вашим милостям, что люди нашей религии упали нравственно, что господствует в них леность и нерадение к благочестию: не только не исполняют они обязанности своей христианской, не защищают церковь Божию и веру свою старинную, но еще сами многие, насмехаясь над нею, разбегаются по разным сектам. Если ваши милости стараться об этом не будете, то сами знаете, кто повинен будет ответ дать, ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми леность, нерадение и отступление от веры? Оттого, что нет учителей,

нет проповедников слова божия, нет наук, нет проповедей; от этого наступило истощение хвалы божией в церкви его, наступил голод слушания слова божия, началось отступление от веры и закона. Дошло до того, что нет ничего, чем бы могли мы утешиться в законе своем. Имеем право сказать словами пророческими: „Кто даст голове нашей воду и очам нашим источник слез“, чтоб могли мы оплакивать упадок, истощение веры и закона своего день и ночь? Все ниспроверглось и упало, со всех сторон скорбь, сетование и беда, и если дальше так пойдет, то бог весть, что с нами наконец будет!» При этом письме князь приложил и собственноручные статьи, на которых он бы желал унии: 1) Оставаться нам вполне при всех обрядах, какие церковь восточная держит. 2) Чтоб паны римляне церковей наших и имуществ их на свои костелы не брали. 3) Чтоб после унии не принимали они тех из наших, которые бы захотели быть католиками: не принуждали бы наших к католицизму, особенно при браках, как то обыкновенно делают. 4) Чтоб духовенство наше в таком же почете было, как их, чтобы митрополит и владыки в раде и на сеймиках место имели, хотя и не все. 5) Нужно переслаться с патриархами, чтоб и они склонились к унии, чтоб нам единым сердцем и едиными устами господа бога хвалить. 6) Нужно послать к московскому и к волохам, чтобы согласиться с ними вместе на унию; всего лучше, по моему мнению, в Москву послать отца епископа владимирского, а к волохам львовского. 7) Нужны также исправления некоторых вещей в церквах наших, особенно касательно вымыслов людских. 8) Необходимо иметь нам ученых пресвитеров и проповедников добрых, ибо, по недостатку просвещения, великая грубость в нашем духовенстве умножилась.

Практический смысл Потей и Терлецкого должен был внушать им, что требования князя неисполнимы, что церковь восточная греческая и восточная русская, или московская, не признают папу главою своею, а без этого уния невозможна; что по-пустому, следовательно, будет ехать и в Москву, и к волохам; что дело не может решиться путем соборов, но только решительным шагом со стороны нескольких влиятельных лиц, которые своим примером могут увлечь народ, наскучивший тяжелым положением церкви. Не прошло года после собора 1593 года, как 21 мая 1594 года Терлецкий, вместе с соборным духовенством, явился в уряд луцкий и объявил, что по воле и промыслению бога, в троице славимого, и по усердному старанию и побуждению короля, его милости, и панов сенаторов, духовных и светских, совершилось давно желанное соединение и восстановилась братская любовь между церквами восточною и западною, с признанием святейшего папы римского верховным пастырем и наместником апостольским, что для утверждения этого соединения и для изъявления покорности папе, он, Терлецкий, вместе с владимирским епископом Потеем отправляется в Рим, по приказанию короля, и что для издержек на это путешествие отдано в залог церковное имение Водиради.

Наступало обычное время собора – 24 июня; приехал в Брест митрополит Михаил, приехал Потей, Терлецкий. На другой день по приезде митрополита службы не было, только говорил проповедь о пастырях владыка владимирский Потей на текст: «Аз есмь пастырь добрый». После проповеди владыка спросил предстоявших, хорошо ли он говорил или нет? Все отвечали: «Хорошо!» Но вот послышался один голос из толпы: «Владыко против себя читает». В церкви встало смятение, порицателя схватили и поставили пред собором, где он сказал Потее: «Ты нас добру учишь, а сам дурно делаешь: малых ребят неразумных в попы ставишь и от них по осьми коп берешь». После этих слов волнение еще более усилилось: порицателя Потеева били, мучили и наконец посадили в богадельню на цепь. На третий день после заутрени велели звонить на собор, собрались отцы в церковь, отворили царские врата, зажгли свечи, поставили на амвоне, положили Евангелие разогнутое. Митрополит сел на особом месте, владыки особенно, архимандриты особенно, потом архидиаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особом месте; были и паны, но немного; слышали, что римляне будут. После молитвы о ниспослании св. духа собор начался; стали подавать

жалобы: братства подали жалобу на владыку львовского Балабана; Потей жаловался на него же; братство Виленское и Львовское положили свое право братское; потом подавались грамоты от многих панов к митрополиту и ко всем владыкам с жалобами. Наступил вечер и разошлись обедать. Но вот явилась грамота от гнезненского архиепископа-примаса, который напоминал митрополиту, что собор никакой законной силы иметь не может, ибо всякие съезды, сеймы и соборы запрещены в отсутствие короля, находившегося тогда в Швеции. На этом основании ограничили только делами судными, подтвердили права братства, и Гедеон Балабан, за насилие Львовскому братству, низвержен с епископии. Гедеон протестовал против собора, опираясь на его незаконность, Терлецкий также отрекся от участия в незаконном соборе, и 2 декабря 1594 года явился акт соединения владык для принятия унии. Владыки указывают на уклонение многих людей в ереси, как на следствие того, что они, русские, порознились с панами римлянами, порознились дети одной матери, и потому не могут помогать друг другу. Моля бога о соединении веры, они, владыки, не старались об этом потому, что смотрели на старших, дожидались, чтоб те постарались о соединении церквей. Но надежда на старших ослабевает все более и более, потому что они, будучи в неволе ногайской, если б даже и хотели, то не могут ничего сделать. «Вследствие этого, по наитию св. духа, видим мы, — пишут владыки, — что людям большие препятствия к спасению без единства в церкви божией, а в этом единстве предки наши всегда были; одного старшего пастыря первопрестольника, именно святейшего папу римского, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядок и великое умножение хвалы божией в церкви бывали и еретикам трудно было ереси рассеять, когда же много старших и первопрестольников настало, то теперь ясно видим, до какого несогласия церковь божия пришла. Итак, не желая взять на свою совесть погибель душ людских, умыслили мы соединиться для святого дела, чтоб, как прежде, едиными усты и единым сердцем славить отца, сына и св. духа, с братьями нашими милыми панами римлянами, будучи под единым видимым пастырем церкви божией. Обещаемся пред господом богом, все вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и других братьев наших духовных и весь народ приводить к единству церковному, а для сильнейшего побуждения к тому даем друг другу эту грамоту». Подлинник грамоты подписан только Ипатием владимирским и Кириллом луцким. Надобно было уговорить митрополита; к нему отправился Терлецкий, и Рагоза дал ему следующие статьи для представления коронному гетману Замойскому: «Вследствие несогласия между самими нашими старшими, патриархами, вместе с некоторыми другими епископами я хочу признать первенство святейшего папы римского, сохранивши в целости все обычаи и обряды церкви нашей восточной. Просить пана гетмана, чтоб король обеспечил нас своей грамотою, дабы я, митрополит, на митрополии своей во всякой чести и уважении до смерти своей в покое жил, дабы я имел место в раде и все права наравне с духовными римскими. Если будут принесены на нас какие-нибудь грамоты неблагословенные от патриархов, то не должны иметь никакого значения. Чтоб монахи из Греции больше в панстве королевской милости не бывали и в неприятельскую землю московскую не пропускались. Чтоб перехожих людей с грамотами к нам от патриархов не пускали, потому что мы их считаем шпионами». Написали и наказ, что должен был говорить королю уполномоченный от епископов посланник: «Видя в старших наших, патриархах, великие нестроения и нерадение о церкви божией и законе святом, видя их неволю, видя, что вместо четырех патриархов сделалось восемь, видя, как они там живут на своих патриаршествах, как один под другим подкупается, как церкви соборные утратили, и, сюда к нам приезжая, никаких диспутиаций с иноверными не чинят, только поборы с нас берут, и, набравши откуда ни попало денег, один под другим там в земле поганской подкупаются — видя все это, мы, епископы, не желая долее оставаться в таком беззрядье и под таким их пастырством, единодушно согласившись (под верным ручательством, если его королевская милость захочет хвалу Божию под единым пасторством расширить и

дать нам с нашими епископиями, церквами, монастырями и всем духовенством такие же вольности, какими пользуются духовные римские), хотим приступить к соединению веры и пастыря единого, главного, которому самым искупителем мы вверены, святейшего папу римского пастырем своим признать; только просим, чтоб господарь обеспечил нас своею грамотою и утвердил навеки нижеписанные артикулы: 1) Чтоб церкви главные, епископии наши остались навеки нерушимо в своих набоженствах и церемониях. 2) Владычество и церкви русские, монастыри, имущества, пожалования и все духовенство должны оставаться навеки в целости, по стародавнему обычаю, под властью, благословением и жалованием епископским, во всяком послушании обычном. 3) Все дела церковные, служба божия, церемонии и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтоб был нам на сейме почет и место в раде, дабы, находясь под благословением святейшего пастыря римского, мы тешились и веселились. 5) Чтоб проклятие патриархов нам не вредило. 6) Чтоб монахи из Греции, которые приезжают сюда грабить нас и которых мы признаем шпионами, никакой власти больше над нами не имели. 7) Чтоб уничтожены были все привилегии, данные патриархами братствам, и другие, ибо чрез них размножились разные секты и ереси. 8) Каждый новый епископ посвящается митрополитом киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы римского и без всякой платы. 9) Чтоб все эти артикулы королевская милость подтвердил нам своими грамотами, одною на латинском, а другою на русском языке. 10) Чтоб и святейший папа также подтвердил эти артикулы. Собственноручно подписались: „Ипатий владимирский, Кирилл луцкий, Михаил перемышльский, Гедеон львовский, Дионисий холмский“».

Но Терлецкий хитрил, скрывался от Потее, с которым соперничал, хотел один заправлять всем делом, и потому, когда съехался с Потеем в Торчине у католического луцкого епископа Бернарда Мацеевского, то не сказал, что открыл все дело митрополиту и получил от него статьи к Замойскому. Вследствие этого Потей в январе 1595 года написал Рагозе: «Знайте, что уже все епископы сговорились приступить к соединению с панами римлянами, и думаем, что это уже известно и кому-нибудь набольшему. Когда я об этом имел разговор с князем-бискупом луцким, то он просил меня и владыку луцкого (Кирилла Терлецкого), чтоб мы привели к тому вашу милость, как старшего, указывая от того немалые выгоды для церкви божией. Я говорил с князем о великих обидах, которые мы терпим не только от них, католиков, но и от своих; говорил, что нет в нас согласия, старшего своего митрополита ни за что почитаем, против него бунтуем, на грамоты и проклятия его не обращаем внимания, и прямо старшего над собою иметь не хотим. Он мне отвечал: „Знаю я все это, но отчего же это так делается? Оттого, что порядка между вами нет, ваши патриархи об этом не заботятся; только за тем сюда приезжают, чтоб вас грабить и несогласие между вами сеять, грамоты на грамоты выдавая, но когда в унии будете, тогда все иначе пойдет: старший будет иметь высшее значение, все его слушать и бояться должны будут“. Говорилось дальше о том, чтоб приступить к унии без насилия совести и вере нашей; не позабыли поговорить и о месте в раде и на все получили удовлетворительный ответ и обещание помогать. Говорилось и о том, что ваша милость хотя бы и хотел привести дела в порядок, но средств не имеет по причине обеднения старшей епархии киевской; киевский князь-бискуп отвечал: „Это последнее дело; будем хлопотать, чтоб стол митрополичий, для приобретения подобающего ему значения, получил хорошее содержание“ – и указал сам на монастырь Печерский. „Пристойнее, – сказал он, – управлять им митрополиту киевскому, чем тамошним пьяницам монахам“. Он требовал, чтоб мы ехали к вашей милости и обо всем с вами договорились. „А когда вы согласитесь, – сказал он, – то от самого папы будут к вам послы с приглашением к унии, и синод от короля будет назначен; там, на этом синоде, будем с вами трактовать, что прежде всего уладить то, в чем не сходимся; также обеспечим вас в том, что вы сохранить желаете, как относительно веры, так и церемоний ваших“. С тем мы и расстались, что обещались ехать

к вашей милости, и потому прошу, сделайте милость, дайте знать, где вас можем найти... На патриарха никто не хочет обращать внимания, а нам головою стены не пробить, когда от них никакой помощи не имеем. Ради бога, не презирай этим делом, прикажи нам к себе приехать и переговорить. Бог знает и сами видим, что с нами делается, видим, что наши старшие не только нам, но и себе помочь не могут, только тут на ссоры присылают, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нет. Видел я у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вашею милостью видеться; в грамоте говорится, чтоб и он, владыка луцкий, также ехал к королю, но он обещал мне не ездить, прежде чем с вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывать, потому что я вверяюсь вашей милости, как старшему пастырю».

Но Рагоза решился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни с теми, ни с другими, выжидать, откладывать решение до последней крайности. Кроме приманок, выставленных Потеем, усиления власти, умножения доходов, выгодна была уния для Рагозы, не ладившего с патриархом, который, как говорят, еще недавно подвергнул его временному запрещению; страшно было не приступить к унии, желаемой, поддерживаемой королем: не простит ему правительство нерасположения или равнодушия к ней. Но, с другой стороны, затевали унию одни епископы без совета с мирянами, с Острожским, Скуминым и остальною знатью, с братствами, а Михаил был избранником мирян. Получивши письмо Потее, он написал Скумину (20 января 1595): «Милостивый пан! Стараясь давать знать вашей милости, как столпу церкви нашей, обо всех новостях, касающихся церкви и меня, извещаю о новой новости, предками нашими и вашею милостию не слыханной; посылаю и копию с письма, присланного ко мне отцами епископами о предприятии их приступить к унии, чтоб вы сами из него увидели, в чем дело, и прислали мне поскорее свое мнение; я же сам собою до этого дела и не думаю приступить, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но в то время, как митрополит хитрил, Терлецкий хитрил и Потей еще хлопотал о тайне, решительный шаг сделан был во Львове тамошним епископом Гедеоном, положение которого, как мы видели, было тяжелее всех. Он созвал у себя собор из архимандритов, игуменов, монахов и белого духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примеру верховнейших пастырей русских, признают церковь римскую правдивою и власть над всею вселенною имеющею и присягают не отступать от святейших первопрестольников римских, проклинают тех, кто отступит, и усердно просят митрополита и епископов кончить без отлагательств такое спасительное дело. Дело грозило пойти вразброд: Балабан действовал сам по себе, Терлецкий действовал также сам по себе, митрополит проводил Потее, назначил ему свиданье в Новогрудке, но, не подождавши его здесь, уехал в Слуцк. Потей решился ему написать в другой раз (11 февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мне никакого ответа, теперь и сам не знаю, что дальше будет? А не надобно было вашей милости пренебрегать делом. Ради бога, прошу, дай мне знать верно о своем намерении, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпеть готов и ни в чем от вашей милости не отступлю. Там вашей милости легче между своими, а мы тут в зубах: захотят кого съесть и съедят. Не знаю, писал ли я в первом листе к вашей милости, что видел у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вами видеться. Если поедешь к королю, то заезжай ко мне: очень нужно! Когда я спрашивал отца владыку луцкого, зачем он едет к королю, тот отвечал под присягою: „Не знаю, зачем меня требуют, потому что у меня нет там никакого дела, ни своего, ни чужого. А теперь, без меня, должно быть вследствие другой грамоты, был у канцлера и в Краков поехал. Бог знает, что это такое? Одно знаю, что при дворе говорят обо мне так: На кого мы надеялись, тот хуже всех“. Оттого королевских и канцлерских грамот ко мне нет, и сеймиковых грамот не послано, а у луцкого все есть. Ради бога, похлопочи, чтоб нам в последних не остаться. А с Востока понапрасну чего нам надеяться? Из новостей, которые я к вашей милости посылаю, увидишь, что с нашими

там делается. Если теперь нельзя нам с тобою видеться, то, ради бога, постарайся разослать пригласительные грамоты к собору на Иванов день (24 июня), потому что теперь особенно нужно нам съехаться всем; ради бога, прошу, отвечай мне обо всем на письме; не бойся: напишешь ко мне – это все равно, как если бы камень в море бросил; я дам тебе знать, какие новости будут в Польше».

Действительно, Терлецкий опередил всех: он съездил к королю и привез от него к Потее следующую грамоту (от 18 февраля): «Узнали мы сильное желание и добрую мысль вашу к соединению церкви божией греческой с вселенскою римскою, как издавна под властью одного пастыря, святейшего папы римского, бывало. Это желание и намерение ваше не только хвалим, но и с благодарностью принимаем, усматривая, что это дело духа святого и от бога начало свое берет, который, как сам в троице единый, так и церковь свою святую и веру христианскую в единстве и согласии иметь хочет, и одного пастыря в ней поставил, которому не только овечек своих, то есть простой народ, но и барашков, то есть всех духовных, епископов, пресвитеров, дьяконов и всех других слуг церковных, пасти поручил. Желаем и напоминаем, чтобы вы приводили к концу это предприятие свое доброе и блаженное. Господь бог вседержитель, от которого исходит всякое благо, будет в помощь и сто кратную мзду готовит вам за это в царстве своем небесном. А мы, принявши вас в оборону нашу королевскую, всегда к вам ласковым и милостивым паном быть хотим и святейшему папе римскому особенно старание ваше засвидетельствуем; только медлить с этим делом не годится: надобно как можно скорее к концу его приводить, о чем пространнее говорить с вами поручили мы епископу луцкому, которому во всем верьте». Терлецкий действовал свободно, не связываясь никакими отношениями: вражда с князем Острожским порвала связь его с могущественными мирянами, столпами церкви. В ином положении находились Потей и Рагоза, которые должны были вести переписку с этими вельможами, защищать пред ними свое поведение, скрывать истину. Князь Острожский писал Потее, что Терлецкий был в Кракове и действовал там от имени епископов, согласившихся на унию. Потей отвечал (17 марта): «Я узнал о том, что отец владыка луцкий был в Кракове, но не слышал я, свидетельствуюсь господом богом, чтоб он ездил от кого-нибудь в посольстве, и не думаю, чтоб он ездил от кого-нибудь с каким-нибудь посольством, а постановлять что-нибудь между собою нам и не снилось. Разве мы того не видим, что хотя бы мы все епископы согласились на унию, а все христианство не позволило; то это был бы только тщетный труд и бесчестье нам у овечек наших, и не годилось бы. нам такое дело оканчивать или начинать тайно без собора и ведомости всей братии нашей младшей, ровных слуг в церкви божией, и прочего христианства, особенно ваших милостей, панов христианских». Но Острожский прислал второе письмо в таком тоне, что нельзя было более скрываться, причем упрекал Потее в нерадении о порядке церковном, указывая на протестантов, как на образец в этом деле. Потей рассердился и отвечал (25 марта): «Не отвечая ничего на широкое писание вашей милости, покорно благодарю за предостережение. Считаю унию полезною не для своей корысти и возвышения, а для умножения хвалы божией, и не такую разумею унию, чтоб нам нужно было перделаться совсем в иной образ, но такую, при которой бы мы оставались в целости, только исправивши то, в чем нет истины, а держимся по одному упрямству. Дал бы господь бог, чтоб и все те жили согласно, которые больше нашего значат. Но видя, что делается, всю надежду теряем, ибо те (патриархи), хотя бы и рады, не могут, а мы можем, но не хотим, и только бога обманываем, молясь о соединении веры. Не дивись же, что реки исчезли, когда источники высохли, не дивись, что ни у них, ни у нас не только науки, но и порядка нет. Припоминаешь ты мне соборы брестские, что на них постановлено о школах, типографиях и других делах, церкви божией потребных, и ничего не исполнено; отвечаю: хотя все это постановлено и не в мое архиерейство, однако никому не дал бы я упредить себя в таком добром и благочестивом деле, не пожалел бы и остального убогого своего имения, в котором

я уже не малый ущерб детям своим сделал, продавши два имения, не пожалел бы я ничего, лишь бы шло добрым людям, а не таким ветреникам, которые только за доходами бегают; так теперь в Бресте школу разорили сами профессора, которые убежали в Вильну на сытные пироги, а тут все покинули без всякой важной причины, к бесчестию и сожалению убогого христианства, на поругание от противников наших. Сам знаешь, как это все трудно устроить и вам, панам великим, а куда уже нам, калекам, среди волков живущим! И церемонии церковные запрещают порядочным образом отправлять; много мог бы писать вашей милости, что делается в моей епископии брестской, какое притеснение терпят христиане в некоторых местах. Еще бы человек тем утешался, что крест этот терпеливо сносят, а то отпадают не по одному, толпами, видя нашу слабость, и бог ведает, с кем останемся. Что касается новостей краковских, то, на мой взгляд, они неверны, а если бы даже и верны были, то не пришеивайте сюда меня, ибо не только о кардинальстве или митрополии не думаю, но часто плачусь на себя и за то, что епископом сделался, плачусь и на того (на князя Острожского), кто меня уговорил к этому, особенно видя, что на свете делается. О бланкетах ни о каких не ведаю, никому их ни на что не давал. Но и я кой-что знаю и вернейшее, и если б можно было поверить бумаге, то указал бы вашей милости, что краковские новости неверны. Если кто сам себя за святого выдает, а нас порочит, то нет ничего тайного, что бы не сделалось явно. Знаю о себе только то, что я ничего не начинал, но если все пойдут за чем-нибудь добрым без вреда совести, то я бы не хотел позади оставаться. А что мне изволишь указывать на порядок иноверцев, то пусть он будет наилучший, но если не на правом основании, то все сором будет: и школы их, и типографии, и множество проповедников. От плодов их познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Как сам я их не жалею, так и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться с правдивыми хвалителями бога, в троице единого, нежели с явными неприятелями сына божия».

Сильнее протестовал против всякого участия своего в унии Рагоза, который в марте 1595 года послал князю Острожскому любопытное известие о невинности Гедеона Балабана: «В то время, как я обращал все внимание на обнажение этого скрытного фальша, случилось очень кстати, что в монастыре Слуцком нашел я владыку львовского, от которого, думаю, не встанет этот пожар, вредный церкви нашей восточной и всему православному народу. Он ничего не знает о предприятии других епископов, совершенно противен их злему умыслу, присягу в том на Евангелии дал и обещал сторожить, что будет делаться в этом отношении в Польше и обо всем давать знать мне и вашей княжой милости. Вследствие этого счел я нужным уничтожить определение духовного суда, против него выданное. Особенно вашей княжой милости, как православному оку церковному, всяким способом надлежит выведывать об унии; остерегайтесь также этого змея райского и лисицы хитрой, о котором я вам говорил (Терлецкого)». Но иное, как видно, о Балабане писал Михаил к другому столпу церкви – Скумину, который отвечал ему 10 мая: «Утешило меня ваше письмо, известившее меня о вашем добром здоровье, но опечалило то, что вы пишете о делах церковных. И слепой видеть может, что всему причиною несогласие братское с владыкою львовским. Пусть справедливый судия крови и душ неповинных взыщет на тех, кто тому причиною. По совести, главным виновником можем признать патриарха нашего константинопольского, который такую смуту грамотами своими сюда внес, потому что владыка львовский, будучи в крайнем томлении от братства, не только должен был броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевного рад был бы на помощь взять. Если это сделалось по воле божией, то будет продолжаться, если же нет, то скоро отменится. Об этом я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь с этим делать и как делу помочь – ваша милость спрашивает моего совета, но бог сердцевидец знает, что в этом деле совета никакого дать не могу: боюсь одного, чтоб ваше сопротивление не было тщетным. Причин тому вижу много, но бумаге верить не хочу. Желал бы я очень с вашею милостию видеться и поговорить».

Скумин отказывал в совете, а Терлецкий и Потей действовали в Кракове у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что он хотел продать свою церковь папе и, возвратившись в Литву, потребовали свидания у митрополита, который и назначил это свидание в Кобрине 18 мая, но обманул опять. Тогда Потей и Терлецкий написали ему следующее письмо (20 мая): «Исполняя волю и письменный приказ вашей милости, как старшего нашего, приехали мы в Кобрин в пятое воскресенье по Пасхе, но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого от вас, не зная причины, почему ваша милость не изволил приехать, должны были мы разъехаться. Теперь мы посылаем к вашей милости и в письме своем не благодарим вас за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кем набольшим, который знает об этом нашем съезде. Вспомните, с чем вы нас отправили и как там благодарно было принято, ибо все, чего хотел, в руках своих имеешь: привилегии, грамоты, банницею на печерского архимандрита Никифора Тура. Удивительно нам, что вы, сами об этом просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вам предложенною. Если бы мы знали, где вы находитесь, то сами поехали бы к вам, но мы не знали, куда нам к вам ехать, а потому просим, бросивши все, приехать как можно скорее к нам в Брест, как для своих дел, которые не терпят отлагательства, так и для общих, если же не придешь, то нас погубишь, да и сам не воскреснешь, потому что это не с своим братом шутить».

Но митрополит не поехал, взял себе шестинедельный срок и опять написал Скумину (14 июня): «Послал я к вам слугу своего Григорья со всеми делами, о которых я получил теперь верные известия, то есть, что епископы луцкий, львовский, перемышльский, холмский, пинский согласились на унию церковную, на послушание папе и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имеют; и владыка владимирский также согласен на это. Грамоту королевскую, грамоту, в которой епископы выразили свое согласие на унию, и условия их я послал к вашей милости. Звали и меня для этого на днях в Брест, и грамота королевская ко мне была, но я без воли и совета вашей милости и братьи моей и позволения общего на это дело не решился, но взял себе на размышление шесть недель и, давши знать об этом вам и пану воеводе киевскому (князю Острожскому), обещал дать им ответ. Если б я согласился на унию, то король обещает за это большую ласку, за несогласие же – немилость и притеснение всему христианству; надобно будет оставить митрополию; новый митрополит уже готов – Терлецкий. Хотел бы я при всяких вольностях матку нашу церковь оставить, а не под ярмом каким-нибудь, только условия должны быть обеспечены грамотами». Скумин прислал страшный ответ, страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный как бесхитростный ответ скромного, честного человека, не имеющего стремлений выставляться на первый план: «Изволили вы меня уведомить о том, что началось от владык, в Короне Польской епископии свои имеющих, а началось то, пишете вы, без вашего соизволения. Но я получил известие от двора королевского, что после сейма краковского были у короля послы от всего нашего духовенства, показали королю письменное позволение вашей милости и грамоты верящие. Теперь вы у меня спрашиваете совета, что тут делать? Но трудно советовать о том, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совет мой тут был бы напрасен, на смех. Надобно было бы, по правде, прежде всего знать об этом людям нашего благоверия, и без ведома всех к таким великим и новым делам не приступать: вот почему я теперь совета моего вашей милости давать не могу, да и один в таком великом деле не сумею дать совета; придется мне, овце стада Христова, пастырства вашей милости, итти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда нас ведете, и за нас отчет давать будете».

Сильнее Скумина высказывал гнев свой на епископов князь Острожский, к которому Потей должен был писать умиловительное письмо (от 16 июня): «Если я так долго вашей милости ничего не писал, то причина тому одна та, что никаких верных известий еще у себя не имел, хотя в это время люди рассеяли о нас неверные слухи, будто мы уже к римской вере

во всем пристали, мшу служить и опресноки употреблять согласились. Правда ли все это, сам ты, как пан мудрый и богобоязливый, рассудить можешь. Ибо если частному человеку, который только об одной своей душе печется, надобно хорошенько подумать, как бы душе своей вреда не причинить, то еще больше тем, которым не только свои, но и других людей души от бога поручены, надобно стараться, чтоб не сделать чего-нибудь противного совести своей и людской. Итак, не извольте всему верить, хотя я и знаю, что немало слухов неверных до ваших благочестивых ушей о некоторых из нас доносятся, будто мы постановляем что-то противное вере и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злого, но и доброго, однако мы так несчастны, что нас за отщепенцев и еретиков выдают и не допускают заботиться и думать о церкви божией и ее покое, смотрят подозрительно на съезды наши и другие дела, церкви нужные. Удивительное дело! Всем еретикам всяких сект вольно съезжаться, порядок в соборах своих устанавливать, наконец, не только против веры христианской, но и против религии божией и превечной хвалы едиnorodного сына божия сочинения выдавать и людей христианских от старой веры и хвалы божией к своим проклятым ересям обращать; а нам, горьким епископам, которые неразрывное преемство имеют от Христа и апостолов, нельзя о церкви божией промышлять и советоваться, чтоб не только нам самим можно было церкви свои и веру православную в целости удержать, но и потомкам нашим что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имея еще благочестивых господарей и панов, патронов веры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное светило религии нашей без всякой лести признавать должны. Но где бы ваша милость, как пан и защитник наш милостивый, должен был нам помогать и побуждать ко всему доброму, тут, как слышно, немилостиво и неласково нас вспоминаешь. Но если отложивши гнев, внимательно рассмотришь дело, то думаю, что и сам нам будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письме посылаю, причем и сам охотно был бы, чтоб вашей милости объяснить, для чего это делаем, помня увещанье вашей милости, присланное мне в Брест, чтоб мы старались о соединении с римскою церковью и чтоб это соединение было без нарушения веры и религии нашей. Дай бог, чтоб ваша милость и теперь, сохраняя то же желание, помог нам в этом деле. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гневом, но спокойным и умиленным смыслом прочитай условия унии; увидишь, что в них нет ничего нового, кроме календаря; но календарь не есть догмат веры, а только церемония, которую без нарушения совести церковь божия может отменить».

В ответ на это князь Константин 24 июня выдал грозное для епископов окружное всем православным послание: «От преименитых благочестивых родителей смолodu воспитан я был в наказании истинной веры, в которой и теперь, божией помощью укрепляем, пребываю; известился я божией благодатию и уверился в том, что кроме единой истинной веры, в Иерусалиме насажденной, нет другой веры. Но теперь злохитрыми кознями вселукавого дьявола самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков претворились, святой восточной церкви отвергшись, святейших патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к западным приложились, только еще кожею лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываются, тайно согласившись друг с другом окаянные, как хриstopродавец Иуда с жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самые пагубные и скрытые писания их объявляют. Но человеколюбец бог не попустил вконец лукавому умыслу их совершиться, если только ваша милость в любви христианской и повинности своей пребудете. Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Так как многие из обывателей здешней области, святой восточной церкви послушники, меня начальником православия в здешнем краю считают, хотя сам себя считаю я не большим, но равным каждому, в правоверии стоящему, то, из

боязни, чтоб не взять на себя вины пред богом и пред вами, даю знать вашим милостям о предателях церкви Христовой и хочу с вами заодно стоять, чтоб с помощью божиею и вашим старанием они сами впали в те сети, которые на нас готовили. Что может быть бесстыднее и беззаконнее их дела? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились, пастырей своих, святейших патриархов, которыми поставлены, отверглись, и считая нас всех правоверных бессловесными, своевольно осмелились от истины отрывать и за собою в пагубу низвергать! Какая нам от них польза? Вместо того, чтоб быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех. Если татары, жида, армяне и другие в нашем государстве хранят свою веру ненарушимо, то не с большим ли правом должны сохранить свою веру мы, истинные христиане, если только все будем в соединении и заодно стоять будем? А я, как до сих пор служил восточной церкви трудом и имением своим в размножении священных книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца всеми моими силами на пользу братий моих служить обещаю».

Острожский действовал не одними посланиями: скоро от епископов-униатов отделился один, тот самый, который прежде всех начал думать об унии – Гедеон Балабан львовский. Современники, как мы видели из письма Скумина, смотрели на Гедеона, как на человека, доведенного до крайности борьбою с братством, готового заключить союз с врагом, лишь бы только выйти из своего тяжелого положения. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дело унии, ибо он не был так связан с ним, как были связаны Терлецкий и Потей. Краковскими поездками и обязательствами пред королем. Еще в начале июня он приезжал к князю Острожскому с просьбою помирить его с братством; князь обещал, а с Гедеона взял обещание склонить на свою сторону Михаила перемышльского и открыто действовать против унии. 1 июля князь Острожский был во Владимире; в его присутствии и в присутствии других знатных лиц Балабан явился в уряд гродский и объявил, что на двух съездах он, вместе с другими епископами, дал Кириллу Терлецкому четыре бланковых листа с своими печатями и подписями для того, чтоб написать на них к королю и сенаторам жалобы на притеснения, претерпеваемые русскою церковью. Но теперь дошла до него, Балабана, весть, что владыка луцкий написал на бланкетах что-то другое, написал какое-то постановление, противное религии, правам и вольностям русских людей. Вследствие чего он, Балабан, протестует против всякого такого постановления, потому что оно составлено в противность правилам и обычаям православной веры, правам и вольностям русского народа, без ведома и дозволения патриархов, без духовного собора, и также без воли светских чинов, как знатных старинных фамилий, так и простых людей православной веры, без согласия которых епископы ничего делать и решать не могут. Князь Острожский немедленно написал Львовскому братству увещание примириться с Гедеоном, а Кирилл Терлецкий немедленно подал жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана в клевете; львовский епископ был потребован к королю на суд, а между тем школьный учитель Стефан Зизаний, перешедший из Львова в Вильну, волновал православных этого города известиями об унии, поднимал их против епископов-предателей. «Великую войну вел с римлянами Зизаний, – говорит летописец, – не только на ратушах и при рынке по дорогам, но и посредине церкви святой». Митрополит, отвергая слухи о своем участии в деле унии, писал (16 июля) виленским священникам, чтоб они, и особенно Зизаний, не смели распускать подобных слухов между христианами. Но православные жители Вильны требовали выхода из этого смутного положения, и единственный выход, по их мнению, был собор; вместе с Скуминым они послали просить князя Острожского, чтоб выхлопотал у короля позволение на собор, на котором бы миряне съехались с епископами. Таким образом, поступок епископов, сговорившихся на унию, необходимо поднимал вопрос: могут ли одни епископы постановлять о делах церковных, или должны делать это с согласия мирян – вопрос первой важности во всей полемике об унии. Православные, подозревая епископов, должны были настаивать на право мирян участвовать в делах цер-

ковных – право, которое было так резко выставлено в патриаршем постановлении о братствах – должны были настаивать на созвании собора и на право участвовать в нем мирянам; епископы же и католическое правительство, выставя резкое отделение овечек от барашков, как выражался король Сигизмунд в приведенной выше грамоте, должны были всеми силами противиться собору, от которого нельзя было ждать ничего доброго для унии. Православные ждали на собор из Константинополя экзарха патриаршего, протосингела Никифора; король предписал пограничным старостам, чтоб они не пропускали в Литву послов патриарших (28 июля), и в тот же день написал к князю Острожскому с увещанием не препятствовать делу унии, причем прямо высказался против собора: «Не считаем нужным, чтоб был для этого какой-нибудь съезд, о котором сами епископы ваши нас просили, потому что дела, относящиеся к душевному спасению, подлежат власти их пастырской, а мы должны повиноваться решению пастырей, которых дух господень дал нам в вожди. Притом же на этих съездах дело более затрудняется, чем к доброму концу приходит». В тот же день король послал похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, с убеждением, чтоб он, не оглядываясь ни на что, не опасаясь никаких угроз ни от кого, стоял при своем предприятии и доводил его до конца. Вслед за тем Сигизмунд выдал грамоту, в которой обеспечивал митрополита и всех епископов-униатов от проклятий патриаршеских и утверждал за ними все те права, которые имело и латинское духовенство; о месте в раде обещал говорить на сейме с панами и чинами Речи Посполитой; обещал выдать универсалы и мандаты против всех, кто будет противиться унии; обещал, что в имениях королевских монастырей и церквей русских не будут обращать в костелы латинские, но отказался обещать то же самое в шляхетских имениях; утвердил, что братства должны быть в послушании у митрополита и других епископов; давал право заводить школы греческого и славянского языка, устраивать типографии, но с тем, чтоб в них не печатать ничего противного римской церкви.

Сильное сопротивление унии, обнаружившееся между русскими, заставляло правительство торопить Потей и Терлецкого, чтоб ехали в Рим бить челом папе о принятии под свою власть русской церкви. Потей, который при личном свидании успел умиловить князя Острожского представлением дела так, что оно началось и кончится не иначе, как по мысли его, князя, не иначе, как вследствие соборного решения, писал к Острожскому от 23 августа: «Не дождавшись никакого приказа от вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествия нашего в Рим, приближается. Как избавиться от этого путешествия – не знаю: одна надежда на вашу милость, что вы письмом своим удержите короля, и он велит нам ехать уже после собора». Еще сильнее вооружался против этого путешествия Рагоза, который вопреки королевской грамоте продолжал бояться и оглядываться в разные стороны. 19 августа он писал Скумину, по-прежнему отрицаясь от намерения поддаться римской церкви: «Трудно мне было бы сделать это на старости лет: надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умел бы я с капланами римскими у одного алтаря служить. Кто об этом старается, тот пусть добывает себе и место в раде и ласку королевскую. Я, грешный человек, хотел бы иметь место с сынами Зеведеовыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается нового календаря, то была о нем речь между нами, потому что для людей ремесленных очень тяжело следовать старому: но мы не иначе хотим что-нибудь сделать, как составивши собор со всеми вашими милостями. Ведь одна ласточка весны сделать не может, так и я сам собою ничего начать не могу. Слух до меня дошел, что отцы владыки владимирский и луцкий, бывши у короля, получили позволение ехать в Рим; я послал уговаривать их, чтоб они покинули это намерение свое, из-за которого в нашем народе христианском надобно ждать большого волнения, а пожалуй и кровопролития. Но своевольного мне трудно удержать». 1 сентября митрополит выдал окружное послание духовенству и мирянам, в котором объявлял, что не мыслил и не хочет мыслить о попра-

нии своих прав и веры, об отступлении от своего исповедания, о презрении рукоположения патриаршего: «Стойте твердо при святой восточной церкви, не позволяйте себе колебаться как тростинка ветром бурливым, а я обещаю при ваших милостях до смерти своей стоять». А между тем 24 сентября король Сигизмунд объявил всенародно о соединении церкви восточной с западной; объявил, что пастыри русской церкви и великое множество светских людей соединились с римскою церковью; выражал желание, чтоб все, отвергавшие прежде унию, последовали за своими пастырями; наконец, объявил об отправлении русских епископов в Рим. Эти епископы, Терлецкий и Потей, выехали из Кракова в конце сентября и приехали в Рим в ноябре. На третий день они приняты были папою Климентом VIII в частной аудиенции и подали письма от короля и некоторых сенаторов. «Папа, – так писали они сами, – принял нас, как ласковый отец деток своих, с несказанною любовью и милостию. Мы живем недалеко от замка его святости, во дворце, искусно украшенном обоями и снабженном всем нужным. Съестные припасы отпускаются нам, по милости папы, в изобилии; мы жили шесть недель в Риме, но его святость все еще не хотел дать нам торжественной аудиенции, говоря: „Отдохните хорошенько после дороги“. Наконец, вследствие наших настоятельных просьб, нам назначена была аудиенция 23 декабря, в большой зале, называемой Константиною, в которой папа принимает наивысших духовных особ. Здесь его святость изволил заседать во всем своем святительском маестате и при нем весь сенат, кардиналы, архиепископы и епископы; особо сидели послы французского короля и других государей; по обоим сторонам залы сидели высшие сановники, сенаторы и великое множество панов духовных, князей римских и шляхты. Когда мы были введены в это собрание, то, поцеловав ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочел довольно внятно ксендз Евстафий Волович, но никто не понимал по-русски, исключая наших панов поляков и панов литовских, которых здесь не мало. Мы имели наготове перевод на латинском языке, и как только Волович прочитал грамоту по-русски, тотчас она была прочтена по-латыни. А по прочтении его святость чрез одного подкомория своего говорил к нам речь весьма чудную, изъявляя благодарность за воссоединение наше и за приезд, и обещал нам сохранить все наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить их навеки. Мы сами от себя, от имени отца митрополита и всех епископов, прочитали обещание: я, епископ владимирский, читал по-латыни, а я, епископ луцкий, по-русски. Затем мы принесли присягу на святом Евангелии от лица всех епископов и сами от себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказал нам подойти к себе поближе, хотя мы и то близко к нему стояли, и наклонившись к нам истинно по-отечески, сказал несколько слов, между которыми были следующие: „Не хочу господствовать над вами, но хочу немощи ваши на себе носить“ и проч. На другой день, т. е. 24 декабря, накануне Рождества Христова, его святость сам служил вечерню в новом костеле св. Петра с великим множеством духовенства; здесь и мы, по благословению его святости, были во всем облачении нашем».

Но в то время, как Потей и Терлецкий целовали ноги у папы и в Риме торжествовали воссоединение русской церкви, выбивая медаль с надписью: *Ruthenis receptis*, в это время виленское белое духовенство писало Скумину: «Так как люди православия греческого уразумели, что митрополит и епископы подкапывают нашу веру и в неволю ее отдают без ведома своих старших и нас меньших, всего духовенства, без ведома вас, наших милостивых панов, и всех православных христиан, сами вчетвером или впятером все дело делают, то мы, все духовенство греческого православия, протестовали пред богом и всем народом христианским, что мы о таком отступлении от своих старших патриархов не мыслили, не знали и не соглашались на него». В начале 1596 года назначен был большой сейм в Варшаве. Православное дворянство, собиравшееся для предварительных совещаний на провинциальных сеймиках, дало своим депутатам наказ просить короля: 1) чтоб епископы, отступившие от православной веры, лишены были сана; 2) чтоб поставлены были епископами

лица православного исповедания, согласно с постановлением 1573 года и с жалованными грамотами прежних королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видели, что король обязался Потее и Терлецкому защищать их, и потому, естественно, он не мог принять просьбы депутатов. Тогда депутаты и князь Острожский торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народ русский не будут признавать Терлецкого и Потее своими епископами, не будут признавать их власти в своих имениях и не будут подчиняться их духовному суду. Сверх того депутаты написали протест, в котором изложены были обиды и притеснения, претерпеваемые православным народом русским, и в последний день сейма поручили прочитать этот акт в присутствии короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанского; но сейм не позволил читать протеста: Буховецкий, заглушенный криками, принужден был удалиться, протестовав против такого насилия. Тогда князь Острожский записал в акты варшавского сейма протест, изложив преступные действия Терлецкого и Потее и объявив твердую решимость противодействовать их намерениям. В таком же смысле депутаты православного дворянства подали два протеста для внесения в книги гродские радзиевские; из актов книг извлечены были засвидетельствованные копии протестов и разосланы по воеводствам. Король, со своей стороны, в исполнение прежних обязательств, дал Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископию луцкую: в этой грамоте король ручается за себя и за своих преемников, что Кирилл Терлецкий будет епископом луцким и острожским в течение всей своей жизни; утверждает за ним все имения епископии луцкой и обещает оборонять его против всех недоброжелателей, которые осмелились бы лишить его епископского сана или отнять у него церковные имения (21 мая 1596 года). Вслед за тем, 29 мая 1596 года, король издал манифест православным своим подданным о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя и уверял, что Терлецкий и Потей не привезли из Рима никаких новостей: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковью под послушание одному духовному пастырю. Епископы не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете». Так как дело было кончено, воля королевская прямо высказана, уния объявлена делом правительства, то последним актом долженствовал быть собор, на котором решительно должно было обозначиться положение русской церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. В том же манифесте король приказывал митрополиту Михаилу созвать собор в обычном месте, в Бресте, где Терлецкий и Потей должны были подробно рассказать о своей поездке в Рим. Приезд на собор дозволен был всем подданным православного исповедания, и каждый должен был приезжать как можно скромнее, не привозя с собою ненужной толпы. Присутствовать на соборе позволялось только католикам и православным, за исключением протестантов.

В первых числах октября 1596 года съехались в Брест: грек Никифор, экзарх константинопольского патриарха, долженствовавший заступить его место на соборе, митрополит Михаил с семью русскими епископами, множеством архимандритов, игуменов и священников; из мирских людей князь Константин Острожский с сыном и многие другие; из католиков приехали три бискупа, Петр Скарга и трое светских вельмож, послы королевские: Николай Христоф Радзивилл, воевода троцкий, Лев Сапега, канцлер литовский, и Дмитрий Халецкий, подскарбий. 6 октября должно было начаться заседание собора, но сейчас же образовались два враждебных стана, которые не соединились в одно общее заседание в одном месте,

в церкви, как обыкновенно бывало. О митрополите, который должен был распорядиться как хозяин, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться в большом частном доме, и засели — духовные своим колом, имея посреди себя евангелие, светские — особым колом с своим маршалком. После обычных молитв владыка львовский, Гедеон Балабан, первый начал речь на русском языке; иеродиакон Киприян тут же переводил ее на греческий язык. Гедеон говорил, что он и все собравшиеся хотят стоять и помирать за восточную веру, и, по их мнению, митрополит с своими владыками поступил незаконно, отрекшись от повиновения патриарху. Положено было послать за митрополитом и униатскими епископами, но те не явились; Рагоза отвечал, что подумает с Католическими епископами и потом приедет на собор; собор ждал его до вечера и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита с товарищами и получили ответ: «Напрасно нас ждете: мы к вам не придем». На третий день третье посольство, на которое получен ответ: «Что сделано, то сделано; хорошо ли, дурно ли мы сделали, поддавшись римской церкви, только теперь уже переделать этого нельзя». Тогда на вопрос экзарха: когда и как Рагоза с товарищами начал хлопотать об унии, киевопечерский архимандрит Никифор Тур отвечал: «Патриарх Иеремия, узнавши о беззакониях Рагозы, отлучил его от церкви, грозя, если не исправится, конечным низложением; он и задумал отступить, и отступил». Обратились к мирским людям, сравнили наказания, данные послам от всех областей — везде нашли одно требование: не отступать от восточной церкви. В это время дали знать собору, что в том же доме, в небольшой комнате, Скарга истощает свое красноречие, чтобы убедить князя Острожского и сына его в правде унии. Экзарх Никифор сказал: «Пусть Скарга придет на собор и спорит с людьми учеными; зачем в углу старается убеждать людей, в богословии несведущих?» Но Скарга не пришел на собор. На четвертый день, 9 октября, выдан был декрет соборный: митрополит и владыки: владимирский, луцкий, полоцкий, холмский и пинский лишаются архиерейского сана, потому что без ведома своего старшего задумали соединение церквей, которое может быть решено не пятью или десятью владыками, а вселенским собором; потом, означенные митрополит и епископы, будучи позваны на собор к ответу, не явились и ответа не дали. В тот же день митрополит с епископами-униатами выдал декрет о лишении сана и проклятии епископов и сообщников их, отвергших унию.

Так совершилась уния, или, лучше сказать, разделение западнорусской церкви на православную и униатскую. Так как православные, отвергнув унию, прямо поступили против воли правительства, покровительствующего последней, то этим, разумеется, еще более ухудшили положение своей церкви. Тяжелое положение продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православных и давать постановления в их пользу, ибо, при возбужденном фанатизме, при беззаконии и своеволии, частные люди, особенно люди сильные, мало обращали внимания на решение правительства; всего более должно было терпеть за православие сельское народонаселение, находившееся во власти панов католиков или, что еще хуже, отступивших от православия. Но это тяжкое положение, борьба с господствующею церковью, борьба с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы западнорусского населения. Противники действовали пером, писали против православия; православным нужно было защищаться, отвечать им уже и для того, чтоб удержать своих при решении не отступать от восточной церкви; чтоб защищаться успешно и чтоб иметь средства назидать своих и отвратить от себя вражий упрек в недостатке просвещения, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

Восток не был так слаб, как предполагали враги его. Послышался сильный обличительный голос с Афона, от тамошнего русского инок Иоанна Вишенского: «Тебе, в земле Польской живущему всякого возраста и чина народу русскому, литовскому и польскому, в разных сектах и верах пребывающему, сей глас в слух да достигнет. Извещаю вас, что земля, по

которой ногами вашими ходите, на вас перед господом богом плачет и вопиет, прося творца, да пошлет серп смертный, как некогда на содомлян, желая лучше пустою в чистоте стоять, нежели вашим безбожием населенною и беззаконными делами оскверненною быть. Ибо где теперь в Польской земле вера, где надежда, где любовь? Где правда и справедливость суда? Где покорность, где евангельские заповеди? Где апостольская проповедь, где светские законы? Где хранение заповедей божиих? Где непорочное священство? Где крестonosное житие иноческое? Где благоговейное и благочестивое христианство? Зачем именем христианским называть себя бесстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окайнная утроба, которая таких сынов на погибель вечную породила! Ныне в Польской земле священники все, как некогда Иезавелины жрецы, чревом, а не духом службу совершают, паны над подручными своими сделались богами, высшими бога, вознеслись судом беззаконным над творцом, образом своим, равно всех почтившим, бессловесных естество высшею ценою оценили. Вместо евангельской проповеди, апостольской науки и святого закона, ныне поганские учителя, Аристотели, Платоны и другие им подобные мошкарники и комедийники во дворах Христа бога владеют. Вместо веры, надежды и любви, безверие, отчаяние, ненависть, зависть и мерзость обладают. Покайтесь все, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелию! Турки некрещенные честнее пред богом в суде и правде, нежели крещенные ляхи; а вы, православные христиане, не скорбите: господь с вами и я с вами; имейте веру и надежду на бога жива; на панов же ваших русского рода, на сынов человеческих не надейтесь – в них нет спасения: они от живого бога и от веры в него отступили. Да будут прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себе из мест святых поделали, сами с слугами своими и приятелями в них телесную и скотскую жизнь провождают; на местах святых лежа, гроши собирают с доходов, данных богомольцам Христовым, дочерям своим приданое готовят, сыновей одевают, жен украшают, слуг умножают, кареты делают, лошадей сытых и одношерстных запрягают; а в монастыре иноческого чина нет, вместо бдения, песнопения и молитвы, псы воют. Владыки безбожные, вместо правила, книжного чтения и поучения в законе господни, день и ночь над статутом сидят, и во лжи весь век свой упражняются». Тот же Иоанн писал к Рагозе, Потее и Терлецкому по поводу унии: «Спросил бы я вас, что такое труд очищения? Но вам и не снилось об этом; не только вы этого не знаете, но и ваши папы иисусоругатели, так называемые иезуиты, о том не пекутся и ответа дать не могут. Покажите мне, соединение церквей сплетающие! Который из вас прошел первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость веру делами злыми наперед еще разорили? Не ваша ли милость воспитали в себе похоть лихоимства и мирского стяжания? Насытиться никак не можете, а все большею алчною и жаждою мирских вещей болеете. Покажите мне, соединение церквей зиждущие! Который из вас, в мирской жизни будучи, шесть заповедей Христовых сам собою исполнил? Не ваша ли милость эти шесть заповедей не только в мирском чину разорили, но и теперь в духовном беспрестанно разоряете? Сами как идолы на одном месте сидите, а если и случится этот труп обидолотворенный на другое место перенести, то на колеснице бесскорбно переносите, а бедные подданные день и ночь на вас трудятся и мучатся. Где вы больным послужили? Не ваша ли милость больных из здоровых делаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись в лысую голову, бискуп луцкий! Сколько ты во время своего священства человеческих душ к богу послал? Его милость, каштелян Потей, хотя и каштеляном был, но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискупом стал, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополит, когда простою рагозиною был, то не знаю, мог ли держать и двоих слуг, а теперь больше десяти держит».

В послании к князю Острожскому и ко всем православным христианам Иоанн Вишенский пишет: «Потому дьявол против славянского языка борьбу такую ведет, что язык этот плодотворнейший из всех языков и богу любимейший, потому что без поганских хитростей и руководств, каковы грамматика, риторика, диалектика и прочие коварства тщеславные дья-

вольские, простым прилежным читанном, безо всякого ухищрения к богу приводит, простоту и смирение зиждет и духа святого подъемлет, в злоковарну же душу не внидет премудрость. Латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, божия премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мирскую мудрость разлакомились. Разве не лучше тебе изучить Часословец, Псалтырь, Октоих, Апостол и Евангелие с другими церковными книгами, быть простым богоугодником и жизнь вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философом мудрым в жизни сей называться и в геенну отойти. На священническую степень по правилу святых отец да восходят, а не по своему желанию, не ради имени и панства сан восхищают; не принимайте того, кто сам насакивает, королем назначается без вашего избрания; изгоняйте и проклиняйте такого, потому что вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтоб вам король давал волков и злодеев, ибо лучше вам без владык и без попов, от дьявола поставленных, в церковь ходить и православие хранить, нежели с владыками и попами, не от бога званными, в церкви быть, ей ругаться и православие попирасть. Вы пастыря себе так избирайте: прежде назначьте несколько особ, от жития и разума свидетельствованных, потом определите день и пост, сотворите бдение в церкви и молитесь богу, да даст вам и откроет пастыря, которого жребием искушаете; бог милостивый моления вашего не презрит, вам пастыря даст и объявит; после этого уже обращайтесь к светской власти, к королю, чтоб подтвердил вам владыку, если же не захочет подтвердить, то увидите, как оглохнет и пропадет, потому что поставлен суд правый судить, а не прелесть своей веры потворствовать; только обратитесь к богу истинно, все вам чудотворно устроит. Праздничные ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, как в Жидичине и в горах св. Спаса; коляды уничтожьте, потому что не хочет Христос, чтоб при его рождестве дьявольские коляды совершались; щедрый вечер из городов и сел в болота загоните, пусть там с дьяволом сидит. Волочельное по воскресении из городов и сел выволокиши, утопите; уничтожьте на Юрьев день дьявольский праздник, когда выходят в поле плясками и скаканием дьяволу жертву приносить; пироги и яйца надгробные отмените; купала на Иванов день утопите и огненное скакание отсеки; Петр и Павел молят вас, да потребите качели, на день их устрояемые на Волыне и Подоле». Возражая епископам униатам, жаловавшимся, что патриарх Иеремия в братствах простых людей над епископами поставил. Вишенский пишет: «Как вы духовными, и не только духовными, но и верными называться можете, когда брата своего, в единой купели крещения верою и от единой матери благодати наравне с вами породившегося, подлеишим себя считаете? Пусть будет холоп, сыромятник, седельник, портной, но вспомните, что брат вам ровный во всем, ибо во едино триепостасное божество крестился».

Мы видели, как сильно волновал Вильну своими проповедями Стефан Зизаний, вооружась против католицизма и унии. Рагоза отлучил его от церкви за ересь, а православные епископы, на Брестском же соборе 8 октября, объявили его невинным, равно как и двоих священников братских, отлученных вместе с Зизанием: «Так как сам митрополит в послушании у церкви восточной не хотел быть, то и клятву свою на этих священников положил ни за что другое, как только за книжку, сочиненную на костел римский». Труды Зизания вызвали опровержение со стороны католиков: явилась книжка под заглавием: *Kakol, który rozsiewa Zyzani* (соч. Жебровского, 1595 г.). Но Зизаний в 1596 году издал слово (казанье) св. Кирилла, патриарха иерусалимского, об антихристе: из этого сочинения выходило, что время антихристово есть время унии. На книжку Зизания в том же году явился опять католический ответ: *Plewuy Stephanka Zuzaniej*. Как образчик полемического тона и остроумия времени приведем несколько слов из этой книжки: «В недавнее время Зизаний привез в Вильну на торг множество куколю фальшивой науки и хотел продавать его вильнянам за настоящую пшеницу. Но вильнян предостерегли от измены, и Зизанию торг запрещен. Давши покой

куколю, взялся он за плевелы, желая на них попробовать счастья, написал новую книжку, не куколя, а плевел исполненную. Но как плевелы от первого дуновения ветра разлетаются по воздуху, так и все, что он в этих книжках написал, одним духом каждый сдунуть может. Чтоб это легче можно было сделать, он написал книжку двояким языком: по-русски и по-польски, дабы иметь больше свидетелей своей глупости».

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгореться по поводу Брестского собора. В 1597 году явилось два описания этого собора с двух противоположных точек зрения: православное Ekthesis или краткое описание того, что делалось на поместном синоде в Бресте Литовском; католическое описание собора было сочинено знаменитым Скаргою, который согласно с основным своим взглядом утверждал, что собор незаконен, что законно только то, что постановлено митрополитом и епископами, т. е. уния, ибо миряне не имеют никакого права вмешиваться в дела церковные, а должны повиноваться беспрекословно своим пастырям. Опровержением книги Скаргиной явился со стороны православных знаменитый *Апокризис албо отповедь на книжки о съборе берестейском, именем людий старожитной релiei греческой, через Христофора Филалета (псевдоним)*. Понятно, что автор Апокризиса должен был ударить со всею силою на основной взгляд Скарги о невмешательстве мирян в дела церковные. Приведши известные нам грамоты, в которых Рагоза и Потей клянутся ничего не предпринимать без ведома мирских людей, автор Апокризиса указывает, что и сами эти духовные не разделяли мнение Скарги и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвенным обещаниям. «Положим, – говорит автор Апокризиса, – что владыки имели право объяснить член символа веры: „Верую во едину соборную апостольскую церковь“» так, что под этою церковью должно разуметь римскую; но они обязаны были как можно скорее дать знать об этом новом истолковании своей пастве, тем более, что, по словам Скарги, вера в римскую церковь есть необходимое условие спасения; владыки виноваты в том, что в то время, как они медлили объявить о новом спасительном члене веры, многие люди, не зная его, умерли, лишенные спасения. Скарга приводит свидетельства Ветхого завета о том, что рассуждение о делах духовных принадлежит одному духовенству; автор Апокризиса возражает, что Моисей был светский человек, однако установил весь порядок богослужения, и как это случилось, что господь бог не иерею Аарону, а светскому человеку Моисею дал право распоряжаться делами богослужения? Но если бы и действительно в Ветхом завете рассуждение о вере принадлежало одним иереям, то это слабый довод, ибо велика разница между иудейством и христианством: в иудействе одно колено левиино к служению иерейскому было избрано, а в христианстве все люди, кровию Христовою от грехов омытые, царями и иереями богу отцу учинены; там одна часть народа хвале божией служила, в одном Иерусалимском храме: здесь все люди христианские, на каждом месте, во всякий час, на хвалу Христову посвящены, чтобы, едят ли, пьют ли, другое ли что делают, все во славу божую делали, чтобы не только духом, но и телом славили бога, будучи членами Христовыми. Скарга написал, что иереи и духовные, которых бог приказал слушаться, заблуждаться не могут, и потому светские должны слушаться их во всем, в той надежде, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи, будут оправданы пред богом, который повелел им слушаться заблуждающих. Спрашиваю, – возражает автор Апокризиса, – за что же Моисей побил три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, слитому первосвященником Аароном? Спрашиваю: что Скарга думает о первосвященнике Урии, который, вместе с царем Ахазом, идолам жертву приносил? Спрашиваю: что разумеет о иереях времен Христовых: почему же апостолы их не слушались? Почему вере или неверию их не последовали? Оставляя примеры ветхозаветные, спрашиваю: когда епископ Авксентий Медиоланский был арианином, когда Диоскор Александрийский еретичествовал вместе с Евтихием, когда еретичествовали Несторий и Македоний, епископы константинопольские, то принадлежавшие к их епархиям были ли обязаны последовать их учению? И если последовали, то будут ли оправданы пред

богом? А если будут, то как же писание говорит, что каждый свое бремя понесет, и когда слепой слепого водит, то оба в яму впадают? Если мирские люди обязаны во всем повиноваться пастырям своим, то не погрешили и немцы кельнские, которые, по примеру архиепископа своего, сделались лютеранами; и мы не грешим, слушаясь владыки львовского и перемышльского, которые говорят, что папа вовсе не наивысший правитель церкви, и если бы луцкий владыка потурчился (что дело возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы перед богом, когда бы сделались магометанами? Конечно, историк Брестского собора тряхнет на это головою; так пусть же знает, что для предохранения от заблуждений не на титулы духовные надобно смотреть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всем надобно духовенство слушать. Мы привели эти строки для показания взгляда и приемов автора Апокризиса; что же касается до подробного разбора и оценки его книги, то это предоставляем церковным писателям. Вслед за Апокризисом написано было православным львовским священником изложение хода дела об унии, под заглавием: «Перестрога, зело потребная на потомные часы православным христианам». Сочинение это заключает в себе любопытные подробности, но тяжело для историка по смешению событий вследствие отсутствия хронологии.

Апокризис раздражил сильно католиков: это видно по тону, в каком было написано возражение на него под заглавием *Antirrhesis* (1600 года). Автор Антиррезиса для борьбы с сильным противником должен был прибегнуть к отчаянному средству: ко лжи и брани. «Автор Апокризиса, – говорит он, – наполнил свою книгу таким множеством непристойных и ложных вещей, что и сам дьявол, из ада вылезши, не мог большей неправды сочинить, как этот Христофор Филалет в своих книжках написал; поистине, каждый может назвать его *diawolofor* и *philopseudis*, а не *Christum ferens, et amator veritatis* (т. е. не носителем Христа, что значит Христофор, и не любителем истины, что значит Филалет, а носителем дьявола и любителем лжи)».

Сам король в окружной грамоте своей к русскому народу счел за нужное вооружиться против поведения православных на Брестском соборе: «Митрополит, – пишет король, – с епископами, остальным духовенством и многими другими людьми веры греческой русской, сошедшись на месте обычном, в соборной церкви св. Николы, начал дело, как следует, молитвою, и три дня разбирал дело, справляясь с св. писанием, с правилами св. отец, призывая братским призывом к себе Михаила Копыстенского, епископа перемышльского, и Гедена Балабана львовского, и других товарищей их, которые сначала сами добровольно приступили к унии и нам, господарю, дали знать об этом, а теперь, по наущению людей упорных, покинувши старшего своего архиепископа, митрополита и братью свою владык, покинувши храм божий, место святое, на котором обязаны были сходиться с старшим своим, и ни разу, во все продолжение собора, в церкви божией не ставши, захотели соединиться с анабаптистами, арианами, богохульниками и с другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями веры православной – русской. Кроме того, взявши себе в товарищество шпионов и изменников наших, какого-то Никифора и других греков, чужестранцев, в божнице еретической засели, злостию и упорством, фараоновым сердцем окаменелым поступали и дела, им не принадлежащие, делать осмелились, против своего начальства, против нас, господаря, и против Речи Посполитой, от церкви божией отлучились, тайком заговоры и протесты составляли, к бланкетам печати и руки свои прикладывали, других людей разных, к собору не принадлежавших, к рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этих бланкетах, по государствам нашим рассылать осмелились». Увещевая последовать примеру митрополита, принять унию, и извещая о проклятии Копыстенского и Балабана, король запрещает считать их владыками и иметь с ними сообщение, запрещает правительственным лицам противиться постановлениям Брестского собора, признавшего унию, и приказывает карать противников.

Итак, с православными велено было поступать как с преступниками, гонение на них было узаконено. Но указ королевский не мог быть приведен в исполнение во всей силе: наказывать за противление унии пришлось бы слишком многих, целый народ, и некоторые из этих многих были очень сильны, а правительство было очень слабо. В то время, как Сигизмунд приказывал преследовать православных и награждал епископов-униатов, князь Острожский уговорил Балабана и Львовское братство прекратить свои тяжбы на год, в продолжение которого обе стороны обещали князю оборонять заодно православную веру.

Но в то самое время, как Западная Россия волновалась униєю, в ней обнаружилось явление, которое должно было иметь решительное влияние на исход борьбы. Мы видели, что оба государства Восточной Европы: Московское и Польское одновременно должны были начать неприязненные отношения к усилившимся на окраинах их козакам, которые вели себя одинаково, как на востоке, так и на западе. Величая себя сберегателями государств, они не ограничивались несколько пограничною стражею, но, по своему хищническому характеру, которого они не скрывали, объявляя, что если им не нападать на соседей, то жить нечем – по этому характеру своему, козаки нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали морем на турецкие владения и вовлекали оба государства, и особенно Польское, в опасную вражду с Турциею. Понятно, что Польша должна была всеми силами хлопотать о том, чтоб отнять у козаков возможность вредить государству. По заключении мира с Турциею, по которому Польша обязалась удерживать козаков от нападений на турецкие владения, на сейме 1590 года было определено, чтоб коронный гетман обозрел и привел в известность края, обитаемые козаками, дал бы им старшего, ротмистров и сотников из польской шляхты, чтоб козаки присягнули в верности республике, не отправлялись за границу ни водой, ни сухим путем без позволения коронного гетмана, не принимали польских беглецов, и чтоб козаков было определенное число, внесенное в гетманский список. Два комиссара отправились с сейма для постоянного пребывания между козаками, для наблюдения за исполнением сеймового решения. Понятно, что козаки не могли спокойно покориться этому решению; в 1592 году, под начальством какого-то Косинского, в числе 5000 человек, напали они на Подолию и опустошали владения князя Острожского и других панов. Князь Константин выслал войско, которое поразило Косинского под городом Пяткою, недалеко от Тарнополья; впоследствии Косинский был окружен и убит на дороге в Черкасы. В 1595 году, или около этого времени, запорожский гетман Григорий Лобода опустошил Украину; на Волыни князь Константин Острожский успел уладиться с ним: Лобода отправился в дунайские княжества против турок, Острожский двинулся на Полесье; но в это время от войска Лободы отделился Наливайко с толпою в 1000 человек и занял Острополь, имение Острожского; не знаем, как разделался князь Константин с этим гостем; но знаем, что после Наливайко вторгнулся в Белоруссию, овладел Слуцком. 30 ноября 1595 г. Наливайко уже с 2000 козаков вступил в Могилев на Днепре; запыхали дома, лавки, острог; девяносто домов превращено было в пепел; козаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Против разбойников двинулся литовский гетман Радзивилл с 14000 литвы и 4000 татар. Наливайко, заслышав о приближении Радзивилла, вышел из Могилева и огородился возами; из этого козацкого укрепления отбивался он целый день от Радзивилла, отбил и ушел к Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего им не сделала, только сама грабила. Коронный гетман Жолковский писал королю в 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство; какое забвение величия королевского, замыслы о разрушении Кракова, об истреблении шляхетского сословия!» Наконец Жолковскому удалось поразить и взять в плен Наливайку при Лубнах в урочище Солонице. Наливайко был казнен в Варшаве в 1597 году. Подозревали Острожского в сношениях с Наливайком; говорили, что и Лобода, с ведома князя, опустошал Украину; по этому случаю Острожский писал зятю своему, Радзивиллу, воеводе виленскому: «Полагаюсь на бога, который спасет не только от подозрения, но и от смерти».

Государство, по-видимому, восторжествовало над козаками; но это государство носило в себе глубокие раны, которые растрavлялись все более и более; то была слабость правительства, которое не имело возможности удерживать людей сильных от насилия, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило: так, во время войны с Наливайком, чего не взяли козаки, то побрали солдаты; то была религиозная борьба вследствие унии, гонение, которому подверглись православные; то было тяжкое состояние, в котором находилось низшее земледельческое сословие; сельские веча, или копы, не очень сильные, как мы видели, и во второй половине XVI века, все более и более теряют свое значение в XVII, мужи сходятся и уступают власть свою помещикам. Помещик или помещица, с несколькими приятелями, иногда в присутствии священника, производят суд и расправу. Крестьяне, присланные околичными селениями, присутствуют безмолвно, соглашаясь с распоряжениями помещика и его приятелей. Некоторые помещики вовсе запретили своим крестьянам ходить в народные сельские собрания и принимать участие в копных судах. Помещики и управляющие их еще в 1557 году получили право казнить своих слуг и крестьян смертию; мало того: отдавая имения свои в аренду жидам, давали им право брать себе все доходы, судить крестьян без апелляции, наказывать виновных и непослушных, по мере вины, даже смертию. И вот крестьяне, или хлопы, как их называли на юго-западе, бегут в козаки, и Жолкевский жалуется на замыслы об истреблении шляхетского сословия. В Московском государстве козаки воспользовались смутю и, чтоб удобнее бороться с государством, выставили знамена мнимых сыновей и внуков Иоанна IV; но здесь с окончанием смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было в государстве Польском: здесь козаки, ратуя за свои интересы с государством, могли благодаря унии связать свое дело с делом священным, народным, выставить религиозное знамя.

1597 год начался возмутительным процессом экзарха патриаршего Никифора, которого, как уже мы видели, король в своей грамоте называл шпионом. В имении гетмана Замоиского схвачен был слуга князя Острожского, который ехал в Валахию покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которые дал ему греческий монах Пафнутий, ехавший в Москву. В этих письмах найдены были жесткие выражения против поляков, и вот ими воспользовались для обвинения Никифора, на которого сердились за Брестский собор; объявили, что письма писаны им, а не Пафнутием. Несмотря на то, что сам Никифор и прокуратор его, или адвокат, блистательно доказали всю нелепость обвинений, Никифора не хотели освободить от суда. Старик князь Острожский, оскорбленный этим делом, в котором хотели задеть столько же и его, сколько Никифора, говорил длинную речь королю, припоминал заслуги предков и свои собственные, припомнил, что, несмотря на вражду свою с Замоиским, он был с ним заодно на стороне Сигизмунда при избрании королевском, за что король оказал ему большую милость, посадивши одного его сына по правую свою сторону в сенате, а другого по левую, и таким образом утешил его старость. Но теперь неприятель его, Замоиский, гонит слуг его; людей добрых, невинных на вольных дорогах хватает, деньги отбирает, мучит, желая нанести на него какое-нибудь бесчестье; на духовных его нападает, изменниками их выставляет. «А ваша королевская милость, видя насилие над нами и нарушение прав наших, не обращаешь внимания на присягу свою, которою обязался не ломать прав наших, но умножать и расширять. Не хочешь нас в православной вере нашей держать при правах наших, на место отступников-епископов других дать, позволяешь этим отступникам насилия делать и проливать кровь тех, которые не хотят идти за ними в отступничество, грабить их, из имений выгонять. За веру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконец, на совесть нашу налегаешь: этим присягу свою ломаешь, и если прежде что-нибудь для меня сделал, то последнюю немилостию своею все ни во что обращаешь. Не только сам я, сенатор, терплю кривду, но вижу, что дело идет к конечной гибели всей Короны Польской, потому что теперь никто уже не обеспечен в своем праве

и вольности, и в короткое время настанет великая смута. Предки наши, сохраняя государю верность, послушание и подданство, взаимно от него милость, справедливость и защиту получали. На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть перед глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вам отца Никифора, а крови его на страшном суде божием искать буду; прошу бога, чтоб уже больше не видать мне такого ломанья прав». Кончивши свою речь, Острожский встал и, опираясь на руку одного приятеля, пошел из королевской комнаты; приятель напоминал ему, что надобно подождать ответа королевского. «Не хочу!» – отвечал старик и продолжал путь; тогда король послал за ним зятя его, виленского воеводу Радзивилла, с просьбою вернуться. «Уверяю вас, – говорил Радзивилл, – что король принимает участие в вашей печали и Никифор будет освобожден». Но раздраженный старик отвечал: «Пусть себе и Никифора съест!» – и вышел из дворца. Упрямство гордого магната, действительно, погубило Никифора; он умер в заточении в Мариенбурге, которому скоро суждено было увидеть в стенах своих других, более знаменитых узников. Говорят, будто недостаток в пище ускорил смерть Никифора.

Наконец, Острожский помирился и с Замойским, заклятым врагом своим, но не хотел мириться с делом Потее и Терлецкого. Тщетно сам папа лстивыми словами склонял его к унии: в самых почтительных выражениях благодарил Острожский святого отца за ласковое письмо, давал знать, что он сам старался об унии, но в то время, когда он употреблял средства, которые всего скорее могли повести к желанной цели, вдруг некоторые духовные, без общего совета, дело, начатое только и далеко не оконченное, поспешили представить его святейшеству, и этим произвели такую смуту, что больше народу впало в ересь, чем присоединилось к столице апостольской. «Мы готовы на соглашение, – пишет Острожский, – но в этом деле унии заключается множество сторон. Не сомневаюсь, что ваше святейшество отложите дело до дальнейшего времени, когда отцы греческие (с которыми я буду сильно хлопотать об этом) охотно приступят к соединению, ибо знаем, что ваше святейшество преимущественно имеете в виду всеобщее примирение и успокоение: знаем, что, отдавая каждому свое, как римской, так и греческой церкви, и соединяя обе, как две дочери великого царя, ни у одной не отнимете их особенностей. Думаю, что и самому творцу будет приятно, когда в мире водворится покой и когда это дело проистечет вместе и от наивысшего бискупа римского и от патриархов восточных».

Считая Потее и Терлецкого виновниками смуты, нарушителями доброго дела, православные не переставали требовать их к суду, и король наконец принужден был, хотя по форме, исполнить их требование. В январе 1598 года Сигизмунд послал Потее и Терлецкому приказание явиться на сейм и оправдаться от обвинений послов воеводства Волынского в том, что они, епископы, назвавшись послами от всех православных христиан веры греческой, ездили в Рим к отцу папе и отдались под его власть именем всех обывателей, тогда как последние им никогда ничего не поручали и ни о чем не сговаривались; таким образом, епископы явились послами непосланными; кроме того, осмелились делать это не порученное им дело без воли патриархов, своих старших; потом осмелились на синоде Брестском, соединившись с ксендзами римскими (общение с которыми запрещено правилами св. отец), осмелились людей добрых, несогласных на их отпадение, от церкви отлучать. Потее отвечал пред королем в смысле известном и приятном Сигизмунду: «Новое и неслыханное дело! Овечки на пастыря жалуются, тогда как пастырь должен на них жаловаться тебе, пану верховному, который обязан непослушных карать и в послушание приводить, по апостолу: „Невежду страхом спасти“. Теперь, наоборот, мои овечки на меня жалуются и пастырем меня не признают. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископии владимирской, которую я, покинув звание сенаторское, решил принять, подвигнувшись слезными просьбами князя Острожского; не вашей ли королевской милости было угодно, по

смерти митрополитовой, назначить мне митрополию? А кто же у нас в панстве вашей королевской милости такие должности без важной причины у кого отнимает? Разве у того, кто за какое-нибудь преступление жизнь и честь теряет. Но, кажется, мы ничего такого не сделали, за что бы нас надобно было казнить смертию; так за что же у нас отнимать достоинства наши духовные? Только за то, что мы возобновили дело, давно утвержденное, наивысшему пастырю Христовой церкви послушание отдали и от патриархов уклонились, потому что от них никакой утехи, науки и порядка иметь не могли. Только за шерстью и молоком к нам ездили или посылали, а вместо покою волнение и меч между детьми вкидывали. Новые, неслыханные и канонам противные братства людям простым дали, изъемя их из-под власти епископской и давая им власть, принадлежащую епископам. Это хлопство с простоты своей такое могущество себе приписывает, что ни епископов, ни панов своих слушать не хочет. Не имеем ли право бегать такого пастыря, который сам в неволе и нам ничем помогать не может».

Король, разумеется, должен был убедиться речью Потей; но не убедились ею православные и отвечали ему: «Бесстыдный язык! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивых патриархах и учителях своих, как неверные поганцы? Вы мудры на злое, а чтоб разуместь доброе, не уведали истины, как говорит пророк. Не послано ли пророков во все времена? Не присылали ли и патриархи к вам учителей, во все времена уча вас? Мало ли грамот присылали к вам патриархи во все времена, о многих делах, и сами к вам приходили? Вы говорите: „Когда пришел патриарх, то сделал какое-то братство, попов и проповедников наставил“. Но и Христос то же самое сделал: архиереев обличивши и людей к себе собравши и учеников, из среды их учителей поставил. Так и патриарх: обличивши митрополита киевского, Онисифора двоеженца, и осудив Тимофея Злобу, архимандрита супрасльского, за убийство, митрополита Михаила посвятил и грамотами окружными всюду злость каждого обличил и на суд приготовил. Что же еще больше ему было делать? Школу греческую кто заложил, как не греки и не патриарх сам? Грамматике греческой и славянским письмом не Арсений ли, митрополит елассонский, во Львове, от патриарха приехавши, учил два года? И когда грамматику через учеников своих напечатал, то в типографии греческого и славянского письма размножилось, чего никогда в русском народе не бывало. Русские, как окрестились, не учились, только церкви строили, которые им злые соседи зараз позапустошили, людей данями обложили, великих панов своими науками и способами различными от церкви отторгли, весь народ в убожество привели; зато теперь школы во всех городах закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенского патриарха двоеженцев выведено, ереси выкляты, исповедники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злых карали, владыкам негодным от мест своих отказаться велено. А вы что сделали? Одного патриарха антиохийского во Львове бить приказали, другому вселенскому патриарху, Иеремии, домой ехать велели, боясь, чтоб он вас, как преступников, не наказал и от мест не отставил; вы сами на себя могли определение выдать, как жида, говоря: „Злых зле погубить, а виноград предаст иным делателям, иже воздадут ему плоды во времена своя“. Уже секира при корени древа лежит; не умолит садовник господина своего, чтобы не посекал неплодного дерева, пока обложит его навозом до будущего года: уже всему час. А теперь каждый владыка в своей епископии попов двоеженцев и многоженцев, блудников, убийц имеет, сами владыки людей убивают (о чем свидетельства найдешь в книгах судных), церкви и монастыри разбивают, имущества монастырские вместе с монастырями своим приятелям дают, монахов женят, монахинь замуж выдают. А потом, тайком сговорившись, к папе утекли». Не получая управы от католического правительства, некоторые из православных решились соединиться с протестантами, также притесняемыми, чтоб этим союзом заставить правительство исполнить следующие требования: «Власть древняя константинопольского патриарха нарушается, ни мы с ним, ни он с нами чрез грамоты и послов сообщаться

не имеем права; пусть все патриаршие декреты, а особенно декрет, выданный в Бресте на отступников, остаются в своей силе. Митрополита нашего отступника и с ним владык королевская милость защищает и из-под власти патриаршей изъе́млет; и нам его королевская милость приказывает их, против совести нашей, слушаться: так, если уже король не хочет исполнить относительно их соборного определения, то пусть даст нам другого митрополита. Во всех городах, в цехах каждого ремесла папезники людей греческой веры до равной с собою чести и вольности не допускают и великие насилия чинят ремесленники-папезники; новые привилегии у легата себе выхлопатывают против людей греческой веры, а король их подтверждает. Братства церковные королевская канцелярия повсюду выставляет нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, от чего эти братства несносные терпят беды, особенно в Вильне: так чтобы братства, как и вся наша религия, оставлены были в покое. Попов и проповедников братских, и тех, кто их слушает и в церковь братскую ходит, митрополит-отступник проклинает, а король банитует. В 98 году, на самое Светлое воскресенье, иезуиты делали великое насилие над церковью братства Виленского. Мандаты разные и грамоты окружные на братства выданы и некоторые из братьев, по немилости пана канцлера (Сапеги), к смертной казни присуждены были, если бы не сам бог и пан воевода виленский Радзивилл (протестант) не защитили: так пусть эти мандаты уничтожат и пан канцлер с братством помирится. В монастыре св. Троицы алтарь братский митрополит-отступник, а дом, где братство собиралось, пан канцлер отняли. Бурмистры на несколько человек из братства церковного сделали протестацию на ратуше, нам и потомкам нашим очень вредную, за то, что мы ездили в Брест на синод духовный. Все эти обиды делают нам папезники для того, чтоб духовную патриаршескую власть и благословение патриарха над нами уничтожить и к папскому послушанию нас подбить. Вследствие этого, их милостям, панам евангеликам, надобно крепко соединиться вместе с нами и стоять за наши обиды, а нам за их, обороняя вольности. В знак доброго расположения их к нам, просить их, чтобы они не оказывали послушания папе и покинули его новый календарь, с нами старый никейский держали по-старому (ибо паны прусаки и все немцы держат его вместе с нами), чтоб вместе обороняться от насилий в праздники господни». Таков был наказ, данный представителям, отправлявшимся на съезд с протестантами, назначенный в Вильне в мае 1599 года. Из православных здесь был князь Константин Острожский, Юрий Сангушко и двое незначительных духовных особ; архиереи львовский и перемышльский отказались участвовать в съезде. Со стороны протестантов были виленский воевода, князь Николай Христофор Радзивилл, брестокуювский воевода Андрей Лещинский и другие знатные люди. Протестанты хотели было начать дело о соглашении вероучения, но православные не хотели об этом и слышать; ограничились унией политической, написали договор, но между православными нашлось мало охотников подписать его, и съезд остался без следствий.

В том же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитом киевским был утвержден Ипатий Потей, первым делом которого было вооружиться на Стефана Зизания, не перестававшего проповедовать в Вильне против унии. Потей велел запечатать церковь в братском Троицком монастыре за то, что монастырь держал у себя Зизания. Старый товарищ последнего, Юрий Рогатинец, писал к нему из Львова успокоительное письмо: «Пишешь, что запечатали вам церковь именем Ипатия; не слушайтесь и не злоречьте Ипатия, в отчаянии его приводя на худшее, откуда возрастает ярость, а не божие строение. Это не новость в церкви божией: запечатали архиереи с римлянами гроб Христов, но силы его не удержали; и Ирод убивал младенцев Христа ради, но принял конец свой, как и другие божии противники, которые властьюпанства своего церкви божией противились. Пишешь, что Ипатий написал какие-то разговоры русского с ляхом, в которых говорится, что мы, в бытность нашу в Вильне, отделившись от них, соединились с лютеранами. Это ошибка, ибо мы не держим дружбы ни с какими еретиками. А что слышно обо мне, что сношусь с Ипатием и пись-

мами друг друга обсыпая, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны их, но поступая по овечьему незлобию, мудрости змеиной и целости голубиной, как Христос научил, что ясно видно из разговора и письма моего к сыну Потееву, Яну; копию с этого письма посылаю вам». Из письма Юриева видно, что вражда между Львовским братством и епископом Гедеоном продолжалась: «Посылаю копию и другого сочинения моего, которое написал теперь на погребение племянницы своей Анастасии, умершей под мучительством балабановским; увидите, какое согласие имеем с Балабаном». Когда князь Острожский приезжал во Львов, то Балабан не показывался ему на глаза.

Князь Константин продолжал свое старое дело: по смерти александрийского патриарха Мелетия осталось сочинение против схизматиков и еретиков; князь немедленно стал хлопотать, чтоб издать его по-гречески и по-русски, для чего послал ко Львовскому братству за наборщиками и литерами греческими. Потей не был также празден: в июне 1605 года он явился в виленской ратуше и объявил, что нашел в церкви кревской старинную рукопись с описанием Флорентийского собора и с грамотою к папе Сиксту IV от киевского митрополита Мисаила, архимандритов печерского и виленского, также от великих княжат и панов русских в 1476 году. Грамота эта была издана им в том же 1605 году, как доказательство давнего существования унии на Руси. Книжка Потей была встречена насмешками православных, которые в 1607 году выхлопотали сеймовое определение, чтоб чины и имения духовные раздавались русским людям шляхетным и прямо греческой веры; чтоб отправление богослужения их было свободно; чтоб духовные власти не соединяли в одном лице двух должностей и пользований; в 1609 году вытребовали, чтоб ни униаты православным, ни православные униатам не делали утеснения и раздражения, в противном случае виновные подвергаются пене в 10000 злотых. Но раздражение не могло уменьшиться, когда в 1610 году явилось сочинение Мелетия Смотрицкого, скрывавшегося под псевдонимом Теофила Ортолога: «Плач восточной церкви» (*Threnos to jest lament jedyney powszechniej Apostolskiej wchodniej Cerkwie*). Самое название показывает, что автор всего более хотел возбудить сочувствие к несчастному положению восточной церкви, готовой принимать гонение.

Скарга в том же году написал против этой книги: «Предостережение Руси насчет жалоб и воплей Теофила Ортолога» (*Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga*); в 1612 году вышло новое опровержение книги Смотрицкого в так называемой «Паригории, или утолении плача» (соч. Мороховского); а в 1617 году вышла книга виленского униатского архимандрита Леона Креузы: «Оборона единства церковного» (*Obrona jednosci cerkiewnej*), где автор старался доказать, что уния существовала прежде и в последнее время униаты поступали законно. Не уменьшалось раздражение, не уменьшались и притеснения, которых, по крайней мере, по-видимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось внимания. На сейме 1620 года депутат волынский, Лаврентий Древинский, говорил такую речь: «В войне турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры, того народа, который, если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят, мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому богу обида и неужели бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело благоче-

стивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты; простакими и невежами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской. Деньги у невинных православных безо всякой причины исторгают. Главная причина зла заключается в том, что ваше королевское величество изволите назначать на высшие саны духовные людей, не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом полоцким сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию *Кунцевич*? Перемышльский владыка Шишка сын пастуха, и теперь родной его дядя в холопах у киевского воеводы. И владимирский владыка сын львовской мещанки Стецковой. Холмский владыка Покость сын виленского купца, обвиненный в покраже сукна, так что если б не спас его монашеский клобук, то давно был бы на виселице. Такая-то польза от унии, что в двадцать лет не могут униаты доставить кого-нибудь из природного шляхетства в епископы! Вот и теперь дали нам в Луцк Почаповского, правда, шляхтича, но по летам недостойного не только епископского, даже и дьяконского сана: не можем называть его отцом, потому что и двадцати лет ему нет. Все это неустройство происходит от того, что принимают посвящение не от законного пастыря; отступили они от патриарха константинопольского, которому искони в этом государстве духовная власть принадлежала. Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтоб оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: „Суди ми боже и рассуди прю мою!“»

Сейм определил подтвердить конституцию 1607 года, чтоб впредь раздавать духовные должности и доходы людям прямой греческой веры. Но для приведения в исполнение этого решения православные не хотели дожидаться, пока перемрут все униатские владыки (иные двадцатилетние), и когда, в том же 1620 году, приехал в Западную Россию известный уже нам иерусалимский патриарх Феофан, то они просили его поставить им на все епархии православных епископов, что и было исполнено. Тут-то, имея своих епископов, православные в 1621 году издали правила, которыми хотели руководствоваться при бедственном состоянии своей церкви, издали так называемое «Советование о благочестии». «Все доброе, – говорится в этом советовании, – должно начаться прежде всего от самих глав, т. е. митрополит, епископы и все духовенство да отвергнут сперва всякую злобу и грех от самих себя. Епископы должны проповедовать правую веру, покаяние и благочестивые дела, обходя дома благородных; также посылать учеников своих, способных учить в церквах, а не дожидаться того, чтоб к ним приходили, кланялись и что-нибудь приносили. Как сами епископы, так и поставленные и посланные от них во всех церквах и на всех местах пусть открыто и явственно поучают, что вера восточной церкви, которую мы ныне исповедуем, есть истинная и спасение в ней несомненное, а в латино-римской церкви и в других сборищах, от нее происшедших, как истинной веры нет, так и спасения достигнуть невозможно. Веру, догматы и обряды церкви восточной должны они во всем хвалить и одобрять, а другие отрицать и обличать, впрочем, духовно и рассудительно, не злореча, но приводя места писания, сильные примеры и доказательства, и это обнародовать посредством письма. В иереи посвящать достойных, разумных и несомненных ревнителей благочестия, даром, а не из корысти, которой, ни самим от себя, ни через своих наместников, не требовать ни под каким предлогом, ни чрез какие намеки о своих нуждах и недостатках. Возбуждать и приготавливать к святому мученичеству как самих себя, так и сердца народа. Писать и печатать в защиту благочестия книги; противникам возражать письменно, но только с совета других, ибо у наших разномыслие, а у противников убеждение в своих верованиях и злоба в сердцах на нас. С отступниками-униатами не сообщаться и народу на исповеди то же внушать; а обращающихся в православие принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Чтоб в церквах

каждый воскресный день и праздник была проповедь. Учреждать по городам школы. Учреждать братства. Нужно и то нам принять во внимание, что Ипатий Потей, Рагоза и другие их единомышленники были не малые головы; несмотря на то, предки наши, и многие из них весьма простые, дерзали обличать их безбоязненно: то же прилично делать и всем православному. Так как св. апостол Андрей есть первый архиепископ константинопольский, патриарх вселенский и апостол русский, на киевских горах стояли ноги его, очи его Россию видели и уста благословили, и семена веры он у нас посеял, то справедливым и богоугодным будет делом возобновить торжественно и нарочито его праздник. Воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо и в ней просветителем был апостол. Послать к константинопольскому патриарху за благословением, помощью и советом; послать и на святую Афонскую гору, чтоб вызвать и привести преподобных мужей русских, в том числе блаженных Киприана и Иоанна, прозванием Вишенского, и прочих там находящихся, процветающих жизнью и богословием. Предстоит также духовная потребность и русских, искренне расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную. Если нельзя обращать самих папистов и дружину их или исчадие, т. е. ариан, евангеликов и лютеран, то по крайней мере всеми силами стараться отыскивать всех тех русских, которые от восточной церкви и от нас отступили. К этому обязываются архиереи ради спасения души, ибо отступники шляхта сильно вредят нам и соблазняют невинных».

В то время, как православные, получивши своих архиереев, составляли такую программу для их деятельности, понятно, как должны были взволноваться униаты, особенно архиереи их, увидав подле себя опасных соперников. Чтоб ослабить новую тесную связь православных с греческою церковью, начали разглашать, что православные хотят изменить Польше, готовы передаться туркам. Мелетий Смотрицкий, посвященный Феофаном в епископы полоцкие, написал в защиту своих сочинение под заглавием «*Verificatio niewinnosci*». Униаты отвечали сочинением «*Sowita vina*» и посланием к монахам Духова Виленского монастыря. Надобно заметить, что знаменитое Виленское братство вследствие унии разделилось: Троицкое братство осталось за униатами и очень ослабело, потому что большая часть братьев, не захотевших принять унии, устроили себе новое братство при монастыре св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификации (*Obrona werificaciej od obrazu Majestaty etc.* 1621). Здесь защищается постановление, чтоб епископы не брали своих мест от светской власти; постановление это выставляется правом русской церкви, при котором русские соединились с поляками как равные с равными; право это подтверждено королями. Защищается положение, что митрополит и епископы должны поставляться патриархом константинопольским, который на Русь имеет право, канонами вселенских соборов подтвержденное. *Obrona* оканчивается так: «О насилии наша сторона не мыслит: господу богу и справедливому королевскому декрету дело свое поручает. Научились мы в церкви божией терпеть насилие, не производить его. Изгнания наших из рады городской, из цехов, лишение вольности право не допустит. Не думай, что с падением вашей унии права в отчизне нашей и справедливость света упасть должны: Теренциев дурень Тразон думал, что когда он упадет, то и небо с ним вместе упасть должно. Если б так начали делать, как ты говоришь, то это повело бы не к успокоению Руси, но к отнятию покоя, сделало бы русских изгнанниками из отчизны. Тогда отплатила бы Литва русскому народу, а Польша греческому (от которых светом веры христианской просвещены, как в отделе шестом доказано), как злой сын доброй матери за хорошее воспитание, воткнувши нож ей в сердце». В упомянутом шестом отделе говорится, что Святополк моравский, принявший греческую веру от Мефодия, обратил в христианство Буривою чешского и жену его Людмилу, а через чешскую княжну Дубровку принял православие и Мечислав польский; в Литве Олгерд, женатый на двух русских княжнах, принял русскую веру и сыновей своих в ней окрестил. Так религиозная полемика повела к историческим розысканиям.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патриарх Феофан поставил в Полоцк епископом Мелетия Смотрицкого, то почти все жители перешли на его сторону; тогда униатский полоцкий владыка Иосафат Кунцевич, человек страстный, фанатик, решился поддержать себя и унию средствами отчаянными, которые вызвали ему сильный упрек со стороны канцлера литовского, Льва Сапеги; Сапегу нельзя заподозрить в пристрастии к православию, но он прежде всего видел неполитичность мер Кунцевича с братиею. «Бесспорно (писал Сапега Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неблагоприятно; но мне никогда на мысль не приходило, чтоб вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве неизвестен вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подана от Войска Запорожского, чтоб Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украйны и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения козаков больше государству пользы, чем от вашей унии, почему и должны вы соображаться с волею короля и с намерениями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушение ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почтеться оскорблением величества. Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству. Пишете об обращении отщепенцев: надобно стараться об этом обращении, чтоб было едино стадо и один пастырь; но при этом надобно поступать благоразумно, сообразоваться с обстоятельствами времени, как в таком деле, которое зависит от свободного желания, особенно в нашем отечестве, где не прилагается изречение: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый сам причиною беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудно своему стремлению. Я обязан, говорите вы, последовать епископам. Вы обязаны подражать св. епископам в терпении, благочестии, в показании добрых примеров. Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщите в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у вас суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгнется. Долг мудрого испытать все способы благоразумия прежде, нежели взяться за оружие. Не писать колких писем к начальству, не отвечать с угрозами так, как вы делаете: апостолы и другие святые никогда так не поступали. Говорите, что вольно вам неуниатов топить, рубить: нет, заповедь господня всем мстителям строгое сделала запрещение, которое и вас касается. Пишете, что на сейме укоряют не только унию, но и все благочестивое римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтоб люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же, по поводу этих беспутств, в народе волнение, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думает, что мы с вами составили заговор для притеснения народной совести и для нарушения общего покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии, которую бы вы и берегли для себя, и в звании, в которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы нас общенародной ненависти, самих же себя опасности и порицанию. Вы требуете, чтобы не прини-

мающих унию изгнать из государства: да спасет бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая римско-католическая вера, и, пока не имела она подражательницы благочестия и повиновения св. отцу, до тех пор славилась миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; но теперь, приняв в сообщество сварливую и беспокойную подругу, терпит, по ее причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницей, ибо мы никогда в отечестве своем не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирали церквей, как вы это делаете. „Имеют, – говорите, – священников благочинных!“ Дай бог, чтоб их было довольно! Но недостаточно, что вы их сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтоб иноверные видели добрые дела и последовали стезям их. Но я слышу, каких вы священников рукополагаете! Таких, от которых церкви больше разорения, чем созидания. Печатать и запирали церкви и ругаться над кем-либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого уловили своею суровостию, строгими мерами, печатанием и запирали церквей? Вместо того, откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навели опасность государству, а может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашею униєю будет! Вы ссылаетесь на предписание верховного пастыря: но если бы святой отец видел, какие, по причине вашей унии, происходят в отечестве нашем неурюстройства, то, без сомнения, соизволил бы на то, чему вы так упорно противоборствуете. Король приказывает церковь их в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по его приказанию, к вам пишу, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать и им отдать; жидам и татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: „Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойствия!“ Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неурюстройство, если будем делать им еще большие притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается полочан и других крамольников против вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами вы побудили их к возмущениям. Новгород Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула; она главная виновница тому, что народ московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила».

Опасения Кунцевича за свою жизнь сбылись: в ноябре 1623 года он был умерщвлен жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событие положило на православных, которые до сих пор могли говорить: «О насилии наша сторона не мыслит». Легко понять, что противники поспешили воспользоваться поражением, которое жители Витебска нанесли своей стороне, поспешили разнести по католическому миру весть о мученичестве Кунцевича. Правительство, как правительство, обязано было постыдиться строго с убийцами и без всяких других побуждений, не нуждаясь в увещаниях папы, который вопреки мнению Льва Сапегы побуждал действовать совершенно в духе Кунцевича; вот письмо Урбана VIII к королю от 10 февраля 1624-го: «Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевели сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с не меньшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезать бесполезные ветви. Иначе все страны заглохнут, и те из них, которые должны быть раем господним, станут рассадниками ядовитых растений и пастбищами драконов. Как легко это может случиться в России, научают настоящие бедствия. Непримируемый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокрав-

шись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраиваются схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, должествующая быть защитой веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями не вооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в козацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолеев благочестие, покровительствуемое небом и вооруженное королевскою властью? Известный Никифор грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый, наконец, в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и губительно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научиться бояться господ отпущений. Вследствие этого просим, твое величество, защищай это дело всею своею ревностю и властью, и прежде всего позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чем не были ниже остальных епископов». В то же время Урбан писал об убийстве Кунцевича: «Кто даст очам нашим источник слез, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть полоцкого архиепископа?... Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступления следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость». Папа не довольствовался письмами к королю: он писал ко многим епископам и светским лицам, требуя гонения на православных епископов, грозя бедою, которая произойдет от связи их с козаками.

Лев Сапега, недавно бывший обличителем Кунцевича, теперь должен был принять на себя председательство в комиссии, назначенной для суда над убийцами Кунцевича. Комиссары приехали в Витебск, окруженные войсками, пешим и конным, из боязни козаков, к которым жители Витебска обратились с просьбою о помощи. В три дня комиссия кончила свое дело: два бурмистра и 18 других горожан погибли на плахе; имения их были конфискованы; около ста горожан, спасшихся бегством, приговорены к смерти, и имения их также конфискованы; город потерял все свои привилегии; ратуша была разрушена; колокола, в которые били в набат, поднимая народ против епископа, были сняты; две православные церкви разрушены. Униатский митрополит киевский, Иосиф Рутский, извещая об этом кардинала Бандина, так оканчивает свое письмо: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы *хотят* приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся могущества козацкого».

Итак, имя козаков в устах у папы, у митрополита униатского; вместо Острожских и Тышкевичей козаки являются главными защитниками православия. Мы видели, как дурно кончилось козацкое дело в конце XVI века. После этого мы встречаем в западнорусских летописях известия о таких поступках козаков, которые, конечно, не могли снискать им любви остального народонаселения. Так, летопись говорит под 1601 годом: были в Швеции козаки запорожские, числом 4000, над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Козаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже

злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. в том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своеволие: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтоб таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин и девиц 4 или 3.

Звание гетмана козацкого успел приобрести в это время известный уже нам Петр Конашевич Сагайдачный, шляхтич по происхождению, человек очень умный, искусный полководец; чтоб избегать ссор с правительством, т. е. с панами, он старался отделить дело козацкое от дела простонародья. «Конашевич, – говорит один летописец, – всегда в миру с панами жил, зато козакам и хорошо было, только поспольство очень терпело». Кроме того, Сагайдачный служил хорошую службу польскому правительству на войне, ходил под Москву на помощь к Владиславу, дрался с турками и татарами; козаки его играли главную роль в знаменитой Хотинской битве (1621 года), где Польша была спасена от нашествия султана Османа, которое, как мы видели, должно было соединиться и с московскою войною. Но это был последний подвиг Сагайдачного: получив тяжкую рану, он удалился в Киев и умер здесь в следующем 1622 году. Служа королю польскому, живя всегда в миру с панами, Сагайдачный счел не бесполезным для себя объявить свою службу и царю московскому. В марте 1620 года явился в Москву посланец Сагайдачного, атаман Петр Одионец с товарищами, и говорил: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их с 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по сую сторону Перекопи под самую стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11000; божиею милостию и государевым счастьем татар они многих побиили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царской милости к себе ныне и вперед искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турским в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турским, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягання нет ли?» Черкасы отвечали: «Посягання на нас от польского короля никакого не бывало; с турским он в миру, а на море нам на турских людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей». Царь послал Сагайдачному 300 рублей легкого жалованья и писал в грамоте: «Вперед мы вас в вашем жалованьи забвенных не учиним, смотря по вашей службе; а на крымские улусы ныне вас не посылаем, потому что крымский Джанибек-Гирей царь на наши государства войною не ходит, и наши люди также крымским улусам вреда никакого не делают».

Несмотря, однако, на то, что Сагайдачный умел жить в миру с панами, полного примирения с козаками в государстве не было и сильно занимал вопрос, нужно ли оставить

козаков, или надобно их уничтожить? Мы видели, что этот вопрос был поставлен в договоре, заключенном русскими тушинцами под Смоленском с королем Сигизмундом; в 1617 году заключен был мир с турками, по которому поляки обязались не допускать козаков до плавания по Черному морю. Но казаки днепровские, точно так же, как и донские, не могли не громить турецких кораблей, иначе им негде было достать себе зипунов. Благодаря козакам мир с Турцией не мог быть надежен; поэтому опять поднялся вопрос: быть или не быть козакам? В 1618 году известный публицист польский, Пальчовский, признал нужным издать книжку: *О козаках – уничтожить их или нет?* Автор дает ответ отрицательный; по его мнению, истребить козаков *бесчестно, бесполезно и невозможно*. *Бесчестно*: ибо это значит исполнить требование неприятеля турка, истребить христиан, тогда как Украина при дворах европейских считается единственною оградой христианства. *Бесполезно*: если не будем иметь соседями козаков, то будем иметь соседями турок и татар: что лучше? *Невозможно*: еще при короле Стефане хотели истребить козаков, да отложили намерение за невозможностью, а тогда козаков было гораздо меньше, чем теперь. Если кто скажет, что можно, немецких рыцарей уничтожили же, то отвечаю: «с немецким орденом Польша боролась 200 лет, пока его уничтожила; кто будет советовать начать двухсотлетнюю борьбу с козаками для их уничтожения, того надобно подвергнуть ostracismu».

По смерти Сагайдачного, усилившиеся волнения религиозные, борьба униатских епископов с православными, усилившееся гонение на православных, убийство главного гонителя Кунцевича – все это выдвигало козаков на первый план, как защитников православия, тем более, что православная западнорусская церковь получила теперь в лице митрополита Иова Борецкого правителя энергического, не похожего на Онисифора Девочку и Михаила Рагозу. Борецкий понимал смысл того крика народного, который так беспокоил Льва Сапегу: «Лучше в неволю турецкую, чем терпеть такие притеснения!» Но Борецкий не хотел идти в неволю турецкую: у него были под руками казаки, у него была еще Москва в виду. В конце 1624 года встало волнение в Киеве; войт Федор Ходыка да мещанин Созон вздумали печатать церкви православные; митрополит сейчас же дал знать об этом в Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетман прислал в Киев двоих полковников, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велел им в окольных киевских городах собраться с тамошними козаками и идти в Киев для оберегания веры христианской; полковники исполнили поручение, явились в Киеве в 1625 году после Крещения, распечатали церкви и схватили Ходыку с теми мещанами, которые умышляли вместе с ним против православия.

Разумеется, такое распоряжение не могло обещать ничего хорошего Борецкому со стороны польского правительства, и вот в феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: «Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепления об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в веру будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавлении видеть». Исакий отвечал: «У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде»

Распоряжения козаков в Киеве и вмешательство их в дела крымские, где они поддерживали хана, враждебного туркам, жалобы султана по этому случаю – все это заставило гетмана польского Станислава Конецпольского, в конце сентября 1625 года, вступить в Украину с 30000 своего войска и с 3000 немцев цесарских. Между русскими пошел слух, что Конецпольский пришел козаков уменьшить и, уменьша козаков, веру римскую в Киеве и во всех литовских городах ввести. В Каневе и Черкасах поляки много козаков побили и места их козацкие разорили. Выступив из Черкас, Конецпольский стал обозом в десяти верстах ниже Крылова; по ту же сторону Днепра стали обозом и козаки, пришедшие из Запорожья, и городовые, тысяч с 20, с полковниками Дорошенком, Измаилом, Олифером да с Пырским, что у них был гетманом в Запорогах. Гетманство дано было Измаилу. 26 октября произошел у них бой с поляками; последние одолели, козаки отступили и расположились над Куруковым озером, где поляки должны были их снова добывать с большою для себя потерей: несколько знатных людей у них погибло, убито было множество лошадей. Но потеря козаков была еще значительнее; они не видели более возможности держаться, свергнули Измаила, выбрали в гетманы Михайлу Дорошенка и вступили в переговоры с Конецпольским. Комиссия, собравшаяся под председательством Конецпольского в урочище Медвежьи Лозы, объявила козакам следующие обвинительные пункты: 1) Непослушание их республике обнаружилось в частых походах на море, навлекших на Польшу войну турецкую: козаки выходили в море в то самое время, когда знатный посол польский, пан конюший коронный, обещал от них покой султану. 2) Войско Запорожское ссылается с Москвою, с которою у Польши верного мира нет, одно кратковременное перемирие; козаки дают московскому титул царский; ссылаются с Шагин-Гиреем крымским без ведома республики; заключили союз с ним и людей на помощь ему посылали. 3) Козаки принимают к себе людей духовных (например, иерусалимского патриарха), разных обманщиков, которые называются цариками турецкими, господариками волошскими. 4) Вопреки власти королевской козаки сажают других митрополитов и владык при жизни старых. 5) Подданные шляхты и державцев, отказавшись от послушания господам своим, с помощью козаков нападают на последних, как на злодеев, землю себе берут, пожитки и доходы у людей заслуженных отнимают. 6) Недавно на Киев напали, войта, человека доброго, и попа своей религии невинно умертвили, иных в тюрьму посажали и на поруки отдали, имение отняли; на монастырь киевский неприятельски напали, землю у него отняли и хутор на ней поставили; наместника подвоеводского обесчестили. Разных чинов людям, духовным, светским, горожанам и жидам неслыханные обиды сделали. Из этих обвинений вытекали следующие требования: 1) Чтобы выданы были на казнь все те, которые начальствовали в походах против турок во время посольства конюшего коронного, также все те, которые были виновниками убийств киевских, богуславских, корсунских и наездов на дома шляхетские. 2) Чтоб те, которые ездили послами в Москву, под присягою показали, с чем туда ездили, и грамоты, полученные от московского, отдали в руки комиссарам. 3) Чтоб объявили, куда девали царика Ахию? 4) Чтоб сожгли челны в присутствии посланцев комиссарских. 5) Чтоб с тех пор ни один козак запорожский ни Днепром, ни Доном не выходил в море. 6) Так как в козаки бегают подданные от панов своих, ремесленники от ремесел и своевольством своим чернят славу козацкую, то король не позволяет увеличивать число козаков. Имена всех козаков и дома, где в каком месте живут, должны быть написаны на одном реестре и за рукою старшего отосланы в казну королевскую. 7) Козаки должны повиноваться тому старшине, которого, по воле королевской, гетман коронный даст им из их же среды. На этот раз гетман утверждает Дорошенка. 8) Козаки не должны вмешиваться в управление староствами. 9) Козаки, обвиненные в насилиях людьми разных чинов, должны быть немедленно преданы суду. 10) Козак, обвиненный в чем-нибудь, судится сотниками, в присутствии подстаросты; если козак жалуется не на козака, то последний судится подста-

ростою, а сами козаки между собою судятся своим судом. 11) Козаки не должны сноситься с иностранными государями, постановлять с ними что-либо и вступать к ним на службу.

Козаки отвечали на обвинения: 1) Люди, начальствовавшие в походе против турок в бытность конюшего коронного у султана, еще до срока выданы и отосланы на сейм для наказания. А так как нам жалование королевское, обещанное на прежних комиссиях, не доходило, то мы должны были сами о себе промышлять. 2) В Москву посылали мы по давнему обычаю, чтоб московский не переставал присылать нам казну. Что же касается до сношений с Шагин-Гиреем, то волна прибила к крымскому берегу товарищей наших, шедших с Дону для добычи; этих голодных людей Шагин-Гирей взял к себе в службу и потом прислал к нам со всеми христианами, сколько их там отгромили; притом Шагин-Гирей обязывался заключить мир с королевством Польским, и нам казалось, что не должно было откладывать такого дела. 3) О патриархе и других духовных король давно знает, мы и духовные наши пред ним оправдались. 4) Относительно приезда цариков турецких, московских и господариков волошских мы себя виноватыми не считаем, потому что искони вольно всякого титула людям за Пороги приезжать и отъезжать. 5) Мы обязаны взыскать людей, обвиненных в наездах и грабежах. 6) Относительно войта киевского, попа и других отвечаем: видя, что делается в княжестве Литовском, на Белой Руси, на Волыни и Подоле, какие притеснения терпят церкви наши старой религии греческой, как не позволяют духовным нашим отправлять в них богослужение, выгоняют их из приходов, отдают во власть униатам, остерегаясь, чтоб и нам того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войт в Киеве не только церкви печатает, доходы отнимает, но и митрополита и нас ругает, видя все это, могли ли мы терпеть? Отдаем на рассуждение ваших милостей. 7) Земля, взятая у монастыря киевского, принадлежала церкви св. Василия, а не ему. 8) В Корсуне и Богуславе была месть за тиранское пролитие крови христианской. 9) Царик Ахия как пришел неведомо откуда, так и ушел неведомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, как скоро получим за них вознаграждение. II) Паны урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить к нам: вот и набралось к нам множество народу из ремесленников; но теперь мы охотно отделим от себя всех неспособных к войне. Комиссия постановила, что вперед козаки будут повиноваться только тому старшему, которого утвердит король и коронный гетман; если этот старший не будет исполнять своих обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смены старшего; то же должны делать и по смерти старшего. Но если б козацкое войско находилось в дальнем расстоянии от короля или гетмана, то козаки могут избрать старшего из среды себя и вручить ему правление до тех пор, пока король и коронный гетман одобряют избранного. Форма присяги старшего была следующая: «Я, Михайла Дорошенко, клянусь господу богу, в троице святой единому, что пресветлейшему королю польскому Сигизмунду III и его наследникам и Республике Польской в сей должности моей, согласно воле его королевского величества, во всем верность и повиновение сохранять буду, соблюдая во всем повеления его королевского величества и республики, укрощая всякое своеволие и непослушание, а именно: ни я сам, ни посредством других против турецкого императора, ни сухим путем, ни морем, не буду ходить и воевать, разве только по повелению его королевского величества и республики. Напротив того, если б кто из войска его королевского величества, мне вверенного, или же кто со стороны вознамерился то сделать и я про то знал бы, то обязываюсь доносить об этом его королевскому величеству и коронному гетману и таковым нарушителям королевского повеления сопротивляться. Никаких полчищ собирать и созывать без соизволения его королевского величества не буду, и даже таковые, по обязанности моей, стану преследовать; а также все условия, в самомалейших пунктах в бумагах панов комиссаров на Медвежьих Лозах прописанные, я со всею моей дружиною исполнять буду». Эти пункты были следующие: число реестровых козаков назначается 6000; они пользуются всеми правами, полученными от прежних королей польских и ныне царствующего Сигизмунда; им позволяется

снискивать себе пропитание торговлею, рыбною ловлею и охотою, но без вреда угождам старостинским; кроме того, ежегодно назначается им от короны 60000 злотых жалованья; старшинам назначается особое жалованье. Из 6000 реестровых козаков 1000 или более должны находиться за Порогами, наблюдая за движениями врагов. Если сам старший отправится в Запорожье, то вместо себя оставляет способного человека. Козаки не должны выходить Днепром в море и начинать войну с каким-либо соседним государством, и потому все морские лодки будут сожжены в присутствии комиссаров. Козак не может жить на земле прежнего пана своего, если не хочет ему повиноваться; ему дается 12 недель сроку для очистки дома и земли. Войску ни в какие дела, ему не принадлежащие, не вмешиваться; союзов с соседними державами ни под каким предлогом не заключать, послов от них не принимать и в службу иностранных владетелей не вступать.

Окончивши комиссию, Конецпольский пошел в Бар; паны, бывшие с ним, разъехались по своим имениям; вместо себя на Украине гетман оставил полковника Казановского с 15000 войска, которое разместилось в Василькове, Треполе, Оржицах, Стайках, Хвостове, Киеве. Дорошенко с польскими комиссарами ездил по козацким городам, разбирал козаков; по городам козаки слушались Дорошенка, потому что лучшие люди из них пристали к нему; но которых оставляли от козачества, те думали посылать бить челом царю Михаилу Федоровичу, чтоб государь пожаловал, велел им помощь дать своими государевыми людьми на поляков, а они, козаки, станут служить государю и города литовские будут очищать на государево имя, чтоб им православной веры не отбыть.

Но козаки после поражения от Конецпольского были слишком слабы для какого-нибудь важного предприятия. Это поражение отняло у Иова Борецкого надежду произвести посредством козаков восстание православного народонаселения Турции во имя искателя турецкого престола, выдававшего себя князем крови султанской и вместе христианином греческого исповедания. Мы видели, что польские комиссары толковали с козаками о каком-то царике Ахии. В конце 1625 года явились в Москву из Запорожья козак Иван Гиря с товарищами и македонянин Марк Федоров, посланные к царю Михаилу от Александра Ахии, который выдавал себя за турецкого царевича, сына султана Магомета; Александр рассказывал, что он вывезен из Турции матерью своею, гречанкою Еленою, был у императора, у герцога флорентийского, у короля испанского и теперь приехал поднимать запорожских козаков против турок, прислал просить помощи и у государя московского. Александр писал Михаилу, что будущую весною хочет идти посуху и морем в землю Греческую, где ожидает его большое войско из православных болгар, сербов, албанцев и греков; всего войска 130000. Думный дьяк Грамотин отвечал посланным, что государь желает Александру царевичу всякого добра, чтоб сподобил его бог отцовского государства достигнуть, а помочь ему не может, потому что Александр царевич теперь живет в Литовской земле у запорожских черкас, которые послушны польскому королю, а польский король государю недруг, и помочь через чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество к Александру царевичу послать не соизволил потому, что если литовский король доведается, что Александр царевич ссылается с царским величеством и помощи просит, то король не сделал бы Александру царевичу какой помешки; а для любви царское величество посылает Александру царевичу на 1000 рублей соболей, лисиц и бархатов золотных. В декабре 1625 года путивльский воевода дал знать в Москву, что в Запорожье собралось было с Александром козаков тысяч с тридцать; но как скоро пришла к ним весть, что гетман Конецпольский с поляками идет на них к Киеву, то меж козаками сделалась рознь и разошлись они из Запорожья по литовским городам, начали собираться против гетмана Конецпольского. 1 сентября царевич Александр с своими людьми сам-пят из Запорожья поехал в Литовскую землю и приехал в Киев, где митрополит Иов держал его тайком от поляков в Архангельском монастыре и одел его в монашеское платье, потому что Конецпольский везде велел его сыскивать накрепко; а в ноябре Иову удалось

отправить его тайно в Московское государство, велевши ему, едучи до Путивля, сказываться купецким человеком. Когда в Москве узнали, что Александр в Путивле, то государь велел боярам подумать об этом деле. Бояре рассуждали: «Это дело новое, небывалое! Если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турецких и крымских людей? Неведомо, с каким умыслом царевич Александр приехал в Путивль: убежал ли от поляков или нарочно ими прислан, чтоб государя с турецким поссорить? Взять Александра и отдать его турецкому султану за вечный мир, чтоб султан запретил крымцам нападать на государевы уkraine, — опасно, чтоб тем бога не прогневать, человека христианина на смерть отдавши. Праведные судьбы божии никому не известны: что, если он прямой султана Магомета сын и крещен в православную христианскую веру прямо и был во многих государствах и нигде ему зла не сделали! Если его отдать, то бога бы не прогневать, греков и всех тех, которые на Александра надеются, не оскорбить и от турецкого в конечное разоренье не привести; да чтоб от пограничных государей укоризны не было, что человека христианина отдали в поганские руки». 17 декабря указал государь и бояре приговорили послать в Путивль дворянина и привезти Александра в Мценск, где его и оставить до времени, а для береженья послать 10 человек стрельцов. Приставам патриарх Филарет наказал: если Александр станет проситься в церковь, то вы бы его в церковь пускали, а стоять ему в трапезе, которая не освящена, а если станет проситься в церковь, то вы ему отговаривайте, что ему в церковь ходить в хохле нельзя, потому что он теперь сделал себе хохол и называется поляком, а в Российском государстве поляков в церковь не пускают. Александр бил челом, чтоб государь отпустил его к донским козакам, а оттуда он пойдет на Дунай, в Волошскую землю и Болгарию и иные страны, которые признали его государем, и чтоб государь велел донским козакам помочь ему; если же государь на Дон отпустить его не велит, то велел бы отпустить к немцам через Новгород или Архангельск, чтоб ему можно было пройти к флорентийскому князю. Государь велел ему отвечать, что на Дону живут козаки, люди вольные, и царского повеленья мало слушают; притом же их мало, большой войны турецкому они не сделают, да с турецкими султанами у него, царя, братство, любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу через Архангельск. Но в 1637 году Александр опять явился в Россию и присылал на Дон грамоту, в которой звал к себе донцов и запорожцев в Чернигов. Чем кончились его похождения, неизвестно.

Между тем и реестровые козаки под начальством Дорошенка мало оказывали расположения исполнять условия, предписанные на Медвежьих Лозах: запорожские чайки (лодки) являлись на Черном море. В начале 1626 года крымский хан напал на Украину. Поляки требовали от Дорошенка, чтоб он с козаками и нарядом шел к ним в сбор; Дорошенко пошел было, но в городе Больших Прилуках явился к нему посол от хана и напомнил, что у козаков с татарами мир, скрепленный присягою, и потому козакам нельзя идти к полякам на помощь. Дорошенко возвратился назад; мало того: запорожцы с гетманом Олифером передались хану и вместе с ним ходили войной на Польшу. В 1627 году король прислал к Дорошенку дворянина своего с приказанием, чтоб козаки были все готовы на весну идти против шведского короля. Гетман собрал в Каневе раду, и на этой раде козаки королевскому посланцу отказали: «Против шведского короля нам нейти, потому что король польский и пань радные пожитки всякие у нас отняли, на море нам ходить не велят, мы от этого оскудели, на службу против шведского короля нам подняться нечем». И послали они к королю и к панам радным посланцев своих просить, чтоб им, козакам, вперед быть в десяти тысячах, и король бы им прислал денег и сукна на десять тысяч.

Дорошенко погиб в Крыму в 1628 году, принимая участие в тамошних междоусобицах; на его место был поставлен Григорий Черный, который, однако, своею преданностью полякам и, как говорят, принятием унии не понравился козакам. В 1630 году правительство расставило войска свои в киевском округе; в народе пошел слух, распущенный, как говорят,

Петром Могилою, архимандритом киево-печерским, что войска идут для истребления козаков и веры православной. Козаки взволновались, убили своего старшего Григория Черного и на его место провозгласили Тараса. Конец-польский двинулся против них и сошелся под Переяславлем. Исход этой войны в большей части известный, как малороссийских, так и польских, представляется загадочным: козаки берут верх над Конецпольским и, несмотря на то, выдают ему Тараса, которого поляки казнят в Варшаве. Известный нам путивлец Гладкий так рассказывал дело: «Гетман Конецпольский осадил козаков в Переяславле. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе побили, перевозки по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им из них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000». Из этого известия можно принять для объяснения дела одно только обстоятельство: присутствие лучших черкас в польском войске; вероятно, эти лучшие черкасы повернули дело так, что Тарас был выдан и чернь не получила никаких выгод от своего восстания. Уже в 1631 году козаки переменили Арандаренка и выбрали на его место Ивана Петрижицкого-Кулагу. Козаки не переставали громить турецкие берега Черного моря; султан собрал было войско на Польшу вместе с Москвою: но неудача последней под Смоленском заставила и его помириться с Польшею; при заключении мира польское правительство обязалось совершенно изгнать козаков с днепровских островов. Для этого коронный гетман Конецпольский в 1635 году построил на Днепре, ниже Самары и Князева острова, крепость Кодак; но в том же году козаки, возвращаясь с моря под начальством Сулимы, разорили крепость. Сулима был схвачен с помощью реестровых козаков и казнен. Но в следующем году началось волнение на Украине. Здесь со стороны польского правительства впервые является действующее лицо, с которым часто будем встречаться впоследствии, Адам Кисель, подкоморий черниговский. Кисель был русский родом, член одной из тех знатных фамилий, которые сохранили еще старую русскую веру. Вследствие этого обстоятельства Кисель тянул к Руси, к русскому народу, был врагом унии; но, с другой стороны, будучи знатным и богатым землевладельцем на Украине, он смотрел на народонаселение своих земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовал козакам, которые, являясь защитниками православия, прежде всего были союзниками хлопства: в козаки бежали хлопы, не хотевшие жить в крестьянстве, а этого пан Кисель не мог сносить хладнокровно. Таким образом, он находился всегда между двух огней, а польское правительство нарочно посылало его всегда комиссаром, посредником при столкновениях своих с козаками, как русского и православного. В августе 1636 года взволновались козаки в Переяславле, выведенные из терпения насилиями воеводича русского, они решились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовала; Кисель, комиссар от правительства у козаков, оставался при ней. Наконец козаки пришли к старшине и начали кричать, что в мае высланы им деньги и в августе еще не привезены; кричали, что правительство их притесняет. Кисель уговорил их подождать четыре недели и немедленно написал об этом королю (6 августа), давая знать, что действительно козакам делаются притеснения во многих местах. Написал и гетману Конецпольскому (25 августа); в этом письме Кисель говорит, что он заметил три вещи в козацком войске неразумном: 1) любовь к религии греческой и к духовенству этой религии, хотя козаки в религиозном отношении похожи более на татар, чем на христиан; 2) сильнее на них действует страх, нежели милость; 3) хищничество. Вследствие этого он, Кисель, уговорил митрополита послать двух

духовных особ с увещанием к козакам не восставать против республики. Старшин, прибавляет Кисель, должно удерживать дарами, а чернь – страхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.